

СЧАСТЛИВЫЙ ТЕСТЬ

— Везет соседу в зятях: вторую дочь за пастуха выдает!

КРОКОДИЛ.

О ЧЕШУЙЧАТЫХ ХАЛАТАХ

На прошлой субботе крокодильских активистов речь зашла о любителях всяческих излишеств.

— Мне бы хотелось рассказать,— начал активист тов. Володин,— о торговом администраторе Благуше и чешуйчатых халатах. Хотя в ведомственном подчинении у нашего администратора были всего две торговые точки — рыбный магазин и рундук на базаре,— он редко их посещал, так как по горло был занят своей канцелярией. Все же однажды он выкроил время и в сопровождении двух своих референтов прибыл в магазин. И он увидел здесь мерзость и запустение. Завтра сразу начал жаловаться начальству на ассортимент: дескать, кроме ржавой селедки и тресковой пасты, у него ничего нет. Естественно, покупатель отбилсЯ от рук и ходит в соседний «Гастроном».

В ответ тов. Благуша сказал, что дело не в ассортименте, а в оформлении. Покупателя отпугивает внешний вид магазина. Надо все перестроить, да так, чтобы утереть нос «Гастроному». Референты поддакнули начальству, и вскоре был объявлен конкурс на лучшее оформление торговой точки. Первую премию получил проект под девизом «В глубинах моря». Магазин начали спешно переоборудовать под морское дно. Художники писали маслом картины из жизни Нептуна и прочих обитателей морского дна. Вместо прилавков соорудили гроты, а кассиршу посадили в будку-раковину, которая, кстати, была сделана из настоящего ракушечника, доставленного на самолете из Крыма. Все это, понятно, влетело в добрую копейчку.

Однако раковина не помогла: покупатель продолжал ходить в «Гастроном». Тогда референты начали поговаривать, что не мешало бы для полной гармонии шить продавцам чешуйчатые халаты. О чешуйчатом халате и дне морском провела местная газета и написала фельетон. Благуша мгновенно сгорел на своем посту, как метеор, ворвавшийся в толщу земной атмосферы.

Когда тов. Володин закончил свое повествование, слова попросил активист Крокодила тов. Епифанов из гор. Благовещенска:

— Администратор Благуша напоминает мне нашего начальника областного управления торговли Савелия Александровича Косякова. Савелий Александрович — тоже большой любитель излишеств. Хоть он и не пытался шить своим подчиненным чешуйчатые халаты, его деяния также не дешево обошлись государству.

Как-то дошли до тов. Косякова слухи, что граждане гор. Благовещенска не всегда довольны работой столовых. Ассортимент блюд в них не ахти какой богатый, да и качество порой не вызывает особых восторгов.

— А как вы думаете,— спросил Савелий Александрович,— от чего зависит качество борща?

— Ну, от продуктов, от повара...

— От уровня руководства! — пояснило начальство. — Кто у нас руководит столовыми? Всего два человека: заведующий общественным питанием торгова и его помощник — технолог. Несоволидно! Надо подбавить руководителей, и тогда дело пойдет на лад.

Учрежденческие советники поддакнули начальству. Так был создан «Благовещенский трест столовых». Трест обосновался в особняке и сразу же размежевался с породившим его торгом. Началось это с транспорта. Раньше, бывало, подъедет к молочному заводу машина торгова, возьмет пару бидонов молока, ящик кефира и поедет сдавать продукты на спичечную фабрику. Бидон и ящик сдаст в столовую, другой бидон — в магазин. Теперь к молочному заводу за этим нехитрым грузом подходят две машины — торгова и треста. Обе едут затем на ту же фабрику сдавать молоко и кефир. Такая же история повторяется у пивзавода, мясокомбината...

Наряду с транспортным произошло и канцелярское размежевание. Трестовская канцелярия заработала воеую.

— А как же с борщом? — раздался голоса активистов. — Стал ли он после этого лучше?

— С борщом и котлетами без перемен,— ответил Епифанов.

— А во сколько обходится содержание обитателей трестовского особняка?

— В сто двадцать тысяч рублей! Недаром трест, так сказать, с пеленок начал терпеть убытки...

Тут слово взял Крокодил.

— Сто двадцать тысяч,— сказал он,— это цена за излишества, за любовь к административной помпе. И дорогая цена! Из этого можно заключить, что Савелий Александрович так же, как его коллега Благуша, не слишком утруждает себя подсчетом денег, которые он выгребает из учрежденческой кассы для реализации своих непродуманных идей. И это, я бы сказал, не с лучшей стороны характеризует его как хозяйственника. Интересно знать, согласятся ли со мной в Благовещенске?

На этом риторическом вопросе закончилась крокодильская суббота, и активисты разошлись по домам, гадая по дороге: что же станет с Благовещенским трестом столовых?

Пимен ВТОРОЙ

Трест «Стройгаз» (Алтайский край) с 1954 года ведет строительство детских яслей Барнаульского завода искусственного волокна. Строительству не видно конца.

Заложили первый кирпич...

КОБИЛЯТРЫ

Просматривая очередную почту, Крокодил отобрал два письма.

— Печальные даты! — сказал он. — Придется эти письма опубликовать. Может быть, они кое-кого заинтересуют.

ГОД НАЗАД колхозники села Ганусивка, Станиславской области, начали поиски генератора для своей электростанции. К письму колхозники пришили длинный фолиант. Это список тех организаций, куда они тщательно обращались: Главное управление сельских электростанций, Центросоюз, Главэлектросбыт и многие другие. Руководителей организаций, приславших им отписки, колхозники приглашают на юбилейный спектакль сельской самодеятельности. Ставится «Власть тьмы». Действие будет проходить при полном отсутствии света.

КРУГЛАЯ ДАТА — ПЯТИЛЕТИЕ — исполнилась с тех пор, как во двор Новоселовского ремонтного завода были загнаны могучие машины — скреперы. У них славное прошлое: рыли они и канал Волга — Дон, и Цимлянское море не без их помощи появилось на карте. А теперь, вдали от мирской суеты, покрываются ржавчиной и превращаются в металлолом, хотя еще и сейчас способны горы своротить. Только в хороших руках.

В письме, поступившем в редакцию, говорится: «Приезжай, Крокодил, на юбилей. Да прихвати с собой тягач. С его помощью и вытащим скреперы на широкий трудовой простор и вдобавок, может быть, потянем к ответственности тех, кто обрек машины на бесславную гибель».

— Нет! — грустно констатировал Крокодил. — Одним тягачом тут не управиться. В таких случаях уместно будет виновников торжества и вилами попотчевать.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

...и последний.

— Иван Федотыч, телятник надо бы к зиме отремонтировать.
— Ох, и не люблю я тебя за то, что ты в каждую щель сунешься!..

СОПОЦКИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

В поселке Сопоткино, Гродненской области, начала действовать академия блистательных манер и деликатного обхождения.

Первыми воспитанниками этого высокого культурно-просветительного учреждения оказались редакционные работники районной газеты «Ленинское знамя». Особо строгое воспитание проходят фельетонисты.

Об этом свидетельствуют два документа, лежащие перед нами. Первый из них — фельетон «Барановичский Мюнхгаузен и его планы», напечатанный 14 июля в газете «Ленинское знамя».

Для «запевки» автор фельетона рассказал историю о том, как небезызвестный Мюнхгаузен взялся строить барону фон Шник-Шнак-Шнуру завод по изготовлению философского камня, с помощью которого можно любой металл превращать в золото.

«Быстро летели месяцы, а за ними и годы, — говорится в фельетоне. — Барон фон Шник-Шнак-Шнур строил воздушные замки, мысленно считал себя уже владельцем философского камня, первейшим богачом... И вдруг в один прекрасный день все воздушные замки барона рухнули. Его предприятие лопнуло, как мыльный пузырь. Средства на строительство были проедены подрядчиком, а сам он бесследно исчез. На память доверчивому барону о предпринимчивом подрядчике осталась лишь большая яма, вырытая под предполагаемый фундамент завода».

Изложив эту вымышленную, но поучительную историю, автор фельетона перешел к истории вполне реальной, основанной на сельковском письме.

«...Последователи барона Мюнхгаузена попадают и в наши дни, — заметил он с прищипкой и рассказал, как председатель колхоза «Сталинский путь» Алексей Никандрович Саврасов взялся строить завод по изготовлению простого кирпича».

«Красочно расписав правлению колхоза «Сталинский путь» будущие баснословныеходы от завода, — говорится в фельетоне, — он провел решение о его строительстве. Для этой цели было ассигновано 90 тысяч рублей».

Шли месяцы и годы. Медленно, со скрипом и тысячами неполадок, продвигалось строительство завода. И наконец в 1955 году оно было закончено...

Но мечтам о больших доходах не суждено было осуществиться. Они рухнули вместе с бессводовой кольцевой печью для обжига кирпича.

Сейчас кирпичный завод колхоза «Сталинский путь» пришел в полную негодность. Кругом трещины да развалины. Целой и невредимой стоит только заводская труба. Она возвышается над мертвым заводом, как памятник его незадачливому строителю. Следовало бы потребовать от тов. Саврасова возмещения убытков, причиненных колхозу, пока он, подобно Мюнхгаузену, не исчез из Барановичей».

Таков первый документ. Видит бог, фельетон не классический, но деловой.

Второй документ исполнен без литературных затей — это постановление бюро Сопоткинского райкома партии от 22 июля этого года.

Посвящено оно тому же «Барановичскому Мюнхгаузену». Вначале в нем довольно объективно говорится о том, что «факты, изложенные в фельетоне, подтвердились и по вине председателя колхоза тов. Саврасова кирпичный завод, достроенный в 1955 году, до сего времени не сдан в эксплуатацию... пришел в негодность, печь для обжига дала трещины, корпус завода накренился».

Затем довольно необъективно отмечается, что в фельетоне «допущены грубости и пошлое изложение письма селькора». Вот так, ни больше, ни меньше! Что именно в фельетоне грубо, не говорится. Также не указывается, что брать за образец стиля для фельетонистов: сонеты Петрарки к его возлюбленной Лауре или сладкозвучные оды Жуковского? Но в качестве первого урока вежливости редактору райгазеты тов. Малевичу и зам. редактора тов. Шпаковскому объявили партийное взыскание и предупредили их, что в случае повторения подобных фактов «грубого изложения корреспонденций» к ним будут приняты более строгие меры партийного взыскания.

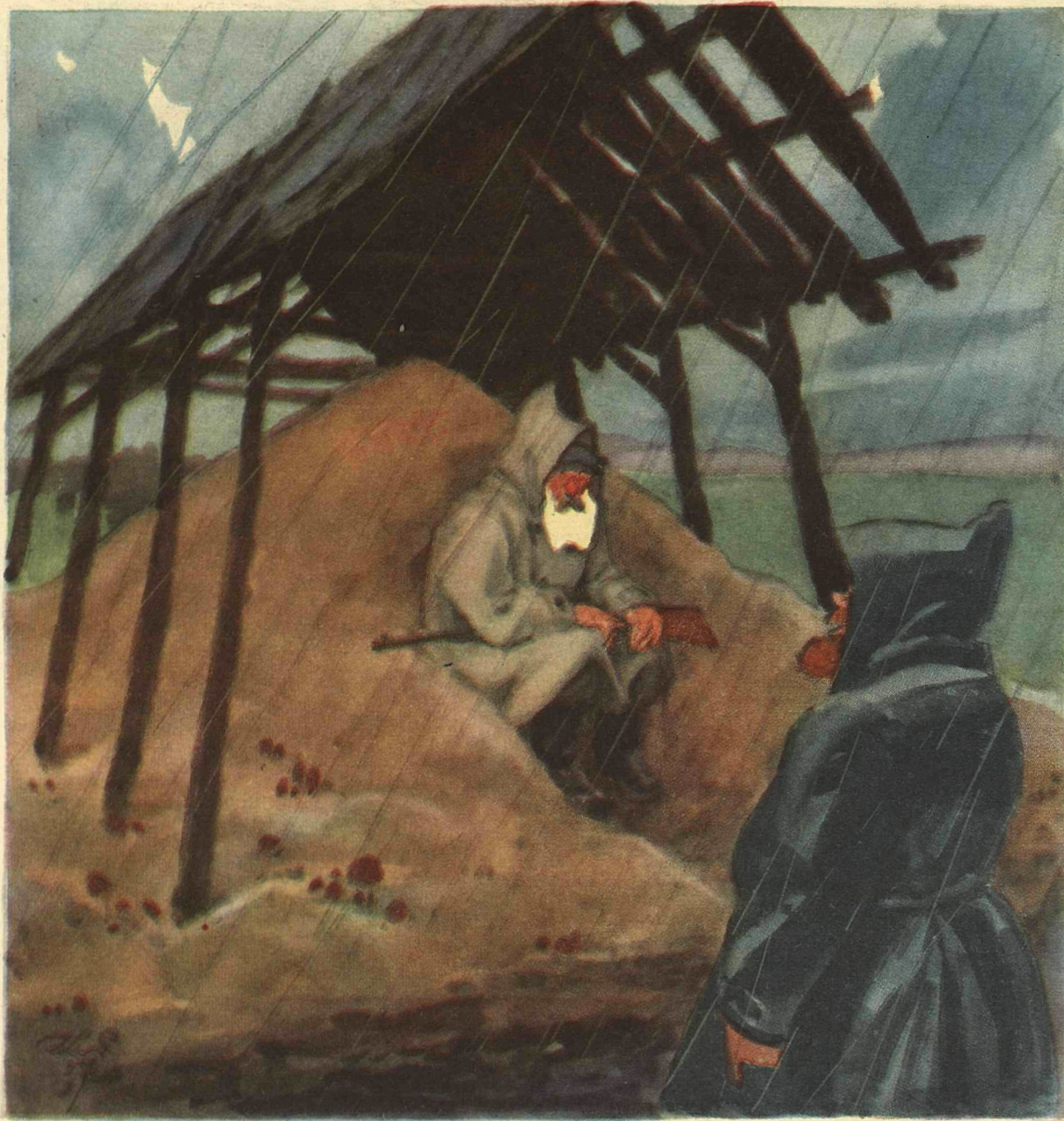
Надо полагать, такое академическое воспитание даром не пройдет. Фельетонистов заставят расшаркиваться перед героями фельетонистов на манер испанских грандов, критика из районной газеты бесследно исчезнет, а ее сатирический уголок «Наш ежик» превратится в безобидного пушистого кролика.

Неужели это цель районных руководителей?

В таком случае не провести ли воспитательную работу с некоторыми ответственными товарищами? Для этого нет нужды учреждать академию, вполне можно ограничиться коротким собеседованием на тему «Как поддерживать деловую критику и не зажимать ее».

В. КУКАНОВ

— Как поживаешь, Кузьмич!
— Плохо! Как видишь, сижу на хлебе и воде...

ЗЕМНАЯ КОРА НА КОЛЕСАХ

Итак, геофизический год в разгаре. Астрономы, метеорологи и геофизики тщательно, словно врачи пациента, прослушивают и простушивают земной шар.

Но, увы, первое потрясающее открытие суждено было сделать не им, а... железнодорожникам.

Работники Министерства путей сообщения, включившись в работу геофизического года и дав научной мысли зеленую улицу, первые обнаружили, что земная кора на всей территории Советского Союза резко сместилась на северо-запад.

В результате этого смещения одна часть приморских городов оказалась в открытом море, другая часть, наоборот, перестала быть портовыми.

Наглядным пособием, иллюстрирующим научное открытие Министерства путей сообщения, служит географическая карта «Схема железных дорог СССР», которая является приложением к официальному Указателю пассажирских сообщений на лето 1957 года.

Вот город Рига белым кружком маячит на середине Рижского залива. Рядом плавают Елгава, Тукумс и другие города. Ленинград, покинув берега Невы, далеко шагнул к Северному полюсу. Не повезло и городу Таллину. Земная кора под ним, нарушив государственную границу, сделала такой рывок, что город оказался посредине Финского залива.

Правда, грандиозное смещение земной коры обошлось без жертв, если не считать тех пассажиров, которые приобрели эту катастрофическую карту.

Общезвестно: о вкусах не спорят. Особенно, когда дело касается такой частности, как, скажем, усы...

Мы попытались обратиться к имеющимся на сей счет литературным источникам, найти в них хоть какие-нибудь основополагающие указания. Но, представьте, и там нет необходимой ясности.

Отдельные упоминания по затронутому вопросу встречаются в песенном творчестве, как-то:

Усы гусара украшают,
Усы гусару вид дают...

Как видим, и здесь ничего определенного. Всего лишь нотка одобрения, обращенная к тому же только к гусарам, то есть к сравнительно небольшой прослойке усоносителей.

И, как ни странно, уже не в какие-то архаические времена, а в наши дни неожиданно-негаданно обнаружили товарищи, считающие усы непременной принадлежностью широкого круга работников. Причем не вообще усы, а предпочтительно с изрядной проседью, таким зримым свидетельством зрелых, а еще лучше — перезрелых, годов.

Вот сценка из жизни Новокотовской МТС Калининской области. Сюда с дипломом техника-механика и положенной путевкой приез-

УСЫ с проседью

жает молодой специалист Ю. И. Раздвогин. Все как будто устраивает руководителей станции: и трудовая биография и образовательная подготовка. Кстати, есть и свободная вакансия. Но одно обстоятельство их крепко смущает: усами не вышел прибывший техник-механик.

И не то, чтобы усов не было вовсе. Над свежесбрившей верхней губой явственно синее характерная полоска. Но какие же это, скажите на милость, усы? Так, некое подобие, бледная копия их! Никакой тебе солидности, степенности!

— Рановато еще вам, батенька, в технико-механики, — изрекает начальство, — зачислимка мы вас шофером...

Не лучше встретили в Спировской МТС той же области направленного туда молодого ветеринарного врача А. И. Урусова. Причина? Все те же усы! Точнее, отсутствие таких усов, которые бы «давали вид», говорили о том, что перед вами человек «в годах».

Несколько более сложным оказалось положение дирекции Заозерной МТС. Случилось так, что сюда прислали окончившую институт Л. К. Рыкунову. Перед лицом такого факта

вопрос об усах, естественно, отпал как нереальный. Пришлось зачислить Рыкунову. Но очень скоро ее уволили под предлогом сокращения штатов.

Не стоит перечислять все подобные случаи: их много. И не только в машинно-тракторных станциях Калининской области. То же происходит в местных совхозах, лесничествах, на промышленных предприятиях.

Штатные списки пестрят незаполненными вакансиями. Десятки должностей, где требуются инженеры и техники, заняты практиками. А молодые специалисты не находят применения своим силам и знаниям.

Примерно так же обстоит дело и с выдвижением кадров.

Усы, оказывается, не те!

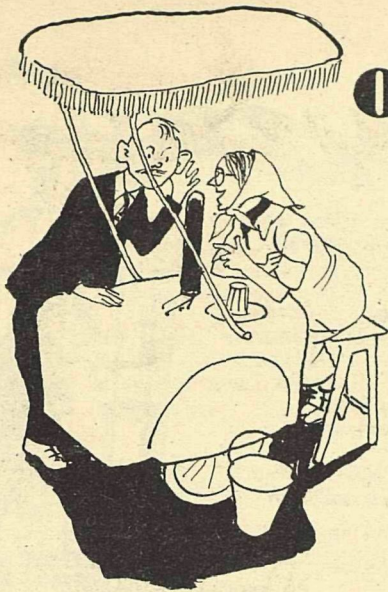
Уж не поэтому ли среди командного состава хозяйственных организаций Калининской области и ее районов так скупо представлены люди молодого и даже среднего возраста?

Полагаем, что Козьма Прутков по этому поводу сказал бы так: «Не думай, что, способствуя выращиванию усов, ты тем самым выращиваешь кадры».

П. ДУДОЧКИН,
М. ФИЛИППОВ

г. Калинин.

ОДИН НА ОДИН

А как жена штепсель повернула, я и размяк — разболтался.

— И опять один на один?

— Опять. Правда, на этот раз мною у жены было слово взято. «Никому?» — спрашиваю. «Никому», — отвечает. «Даже родной матери?» «Даже ей».

Родной матери жена и вправду ничего не сказала, а соседкам на кухне растрепала про мое разоблачение. Директор вторую комиссию создал, опять один член из парткома, два от комсомола, три от профсоюза. Снова расследование, и снова оказывается, у Татьяны Ивановны никаких романов, никаких амуров. Вот тут бы нашей дирекции и взяться за женщин!

— Почему за них?

— Потому что они всему виной: одна сочинила, другая растрепала, а женщинам дирекции

ей была дана полная амнистия. Жену мою даже не тронули. Она-де домашняя хозяйка, человек ютстальный. Тамаре Исаевне — это та, которая на сатураторе газировкой торгует, — тоже ничего: она, мол, не из нашего текстильного ведомства...

— А вас снова по щекам хлестали?

— Черт с ними, со щеками, я бы стерпеть! Меня за мою критику с фабрики уволили.

— Да какая же это критика? Это сплетни.

— А за сплетни разве можно увольнять трудящихся?

— И можно и нужно.

— Ну, знаете! Не ожидал! — сказал Козарезов. — Я к вам из Серлухова ехал. Сто километров на электричке трясса, а вы...

И, сильно хлопнув дверью, ткацкий поммастер вышел из комнаты. А через час он уже вытягивался по-солдатски перед каким-то столом в прокуратуре все с той же фразой на устах:

— Помогите! Страдаю за критику.

Сем. НАРИНЬЯНИ

В комнату вошел щуплый, невысокий мужчина. Он вытянулся по-солдатски перед письменным столом и сказал:

— Меня уволили за критику.

— А вы кого критиковали?

— Татьяну Ивановну Воробьеву. Конечно, мне бы стерпеть, промолчать тогда...

— Когда именно?

— Да на Восьмое марта. Выдвинули Татьяну Ивановну в тот день из простой работницы в наладчицы. Меня обошли, а у Воробьевой праздник. За что, думаю, ей такая привилегия?

— Восьмого марта выдвигают не мужчин, а женщин.

— Это я понимаю. А все-таки. И тут мне Тамара Исаевна — она на сатураторе газировкой торгует — возьми и скажи: «У Воробьевой есть причина: у нее роман с мастером Половинкинским». Меня поначалу сомнение взяло. Какой, думаю, интерес мастеру Половинкину крутить романы с Татьяной Ивановной? Женщина она на возраст, троих детей имеет. А у нас полон цех молодежи. Каждая вторая — красавица. Но сомневался я недолго. Раз Тамара Исаевна говорит: роман, — значит, так оно и есть. Тамара Исаевна — человек верный, врать не станет. Ну, при таких мыслях я взял и выступил с разоблачением.

— Где выступили, в газете?

— Нет.

— На собрании?

— Тоже нет.

— Так где же?

Ткацкий поммастер Козарезов переступил с ноги на ногу, вытер большим красным платком пот с лысой головы и тихо сказал:

— В доме я выступил.

— В каком доме?

— В своем. Пришел я после смены, поужинал и рассказал про всю эту аморальность жене. Один на один. Доверился ей как самому близкому человеку. А она взяла на следующий день да все и выложила на кухне соседкам. Те дальше. На фабрике шум, гам поднялся. Дирекция создает комиссию: один член из парткома, двое из комсомола да трое от профсоюза. Комиссия ходит, проверяет, и выясняется: никакого романа у Татьяны Ивановны с Половинкинским не было. И вот человек попадает в безвыходное положение. Сначала заявляется в цех жена мастера Половинкина и хлещет этого человека по щекам. А потом приходит муж Татьяны Ивановны и тоже бьет его.

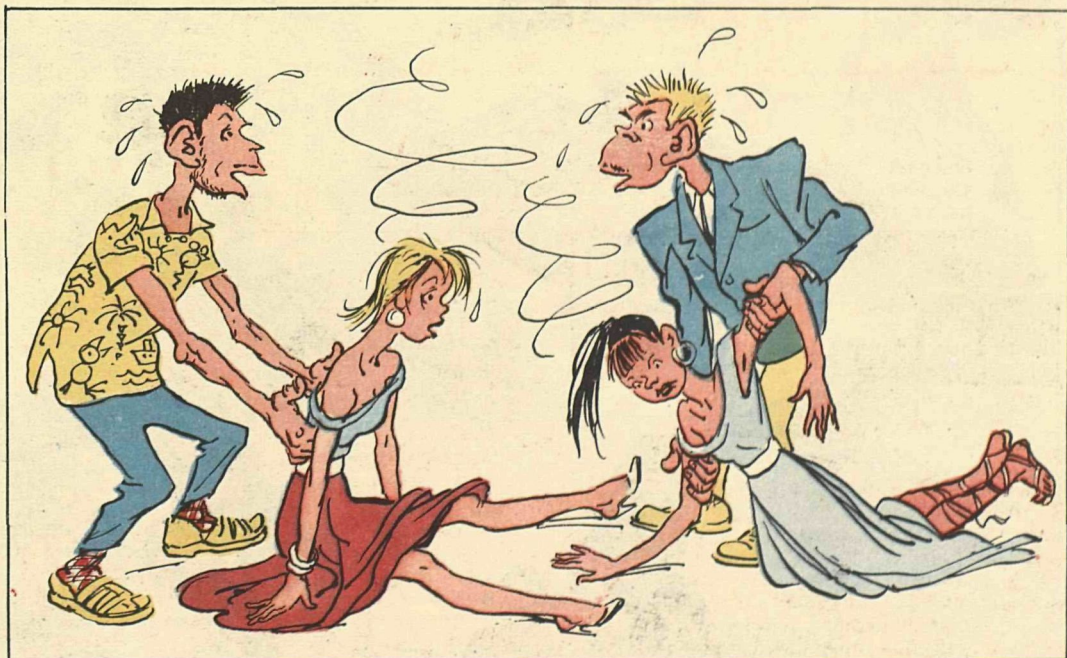
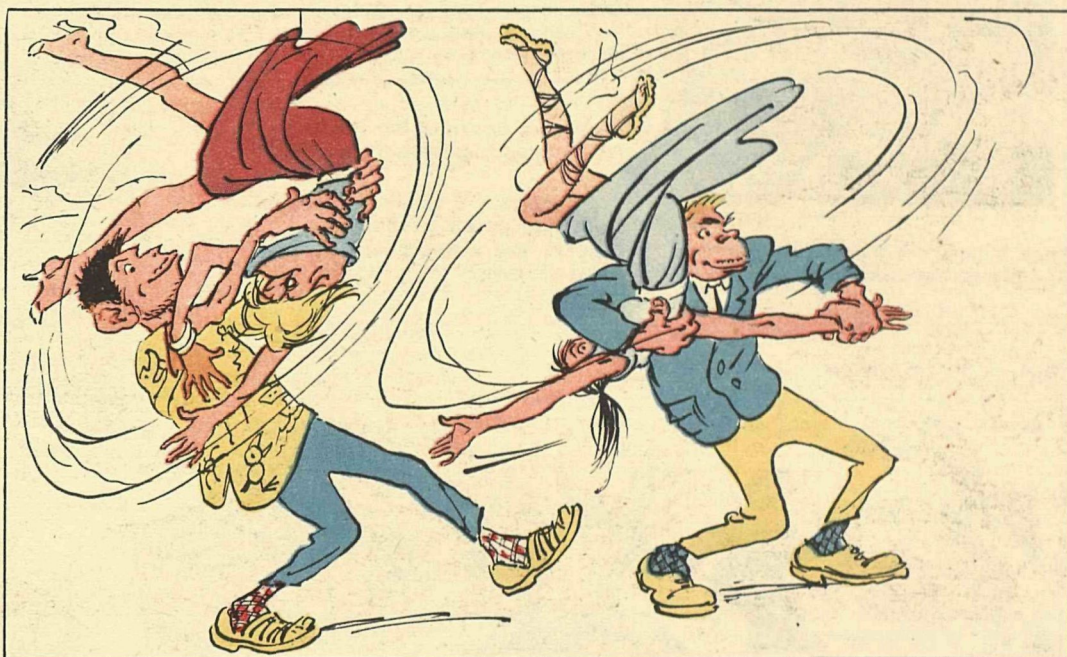
— Кого его? О каком человеке вы говорите?

— Я тот человек. О себе я говорю. Меня по щекам хлещут, а вокруг люди, и хоть бы один подошел заступился. Но я человек самолюбивый. Не захотел терпеть напрасно надругательства над своей личностью. Пошел я к Тамаре Исаевне. А она извиняется. «Прости, — говорит, — ошиблась. У Татьяны Ивановны, — говорит, — амуров не с Половинкинским, а со сменным инженером Петуховым». «А эти сведения, — спрашиваю, — точные?» «Точные».

Ну что мне было делать при таком заверении? Пришел со смены домой. Поужинал. Лег спать. Пока свет горел, я терпел, молчал.

ПОДРАЖАТЕЛИ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Мы спорить с Дарвином не будем,
В его ученье нет изъяна.
Он прав:
В далеком прошлом люди
Произошли от обезьяны.

Все было б так, как шло от века,
Но рок-н-ролл сместил все планы,
И в этом танце
Человека
Не отличишь от обезьяны.

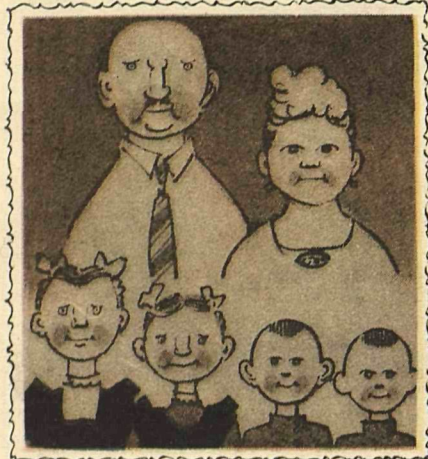

Говорящий попугай

Жили-были на свете
Папа, мама и дети.

Детей звали:
Галя и Валя,
Гришка и Степка.
И был у них попугай Попка.

Про семью говорили друзья:
— Ну и дружная это семья!
Родители добродушные,
Дети послушные.

Папа непьющий и некурящий,
А попугай говорящий.

Вот пришел к ним однажды знакомый
И не застал никого дома:
Папа на работе.
Мама у тети.
Дети в десятилетке.
Один только попугай в клетке.

Сидит он на жердочке часами,
Разговаривает всеми голосами.

Говорит он басом, как папа:
— Кто стащил мои книжки из шкапа!
Запрещаю я трогать тома
Сочинений Гюго и Дюма!

Просит Попочка голосом мамы:
— Валерьян, не устраивай драмы!
Каждый раз, чуть откроешь ты дверь,
На детей ты рычишь, точно зверь!

Вдруг доносится голос Гришки:
— Валька с Галькой таскают книжки!

Отзываются Галя и Валя:
— Степка с Гришкой ружье свое брали
И убили вчера из ружья
На соседнем дворе воробья!

— Мы не брали, а Валя и Галя
Из буфета пирожные крали!..

Тут поднялся в квартире галдеж —
Ни словечка не разберешь.
Голосят все квартирные жители:
Домработница, дети, родители.

Так шумят, что хоть прочь убегай!
А в квартире — один попугай!..

И не думали папа и мама,
Галя, Валя, и Гришка, и Степка,
Что ведется у них стенограмма,
А ведет ее маленький Попка!..

Если вам репутации жаль,
На носу зарубите мораль:

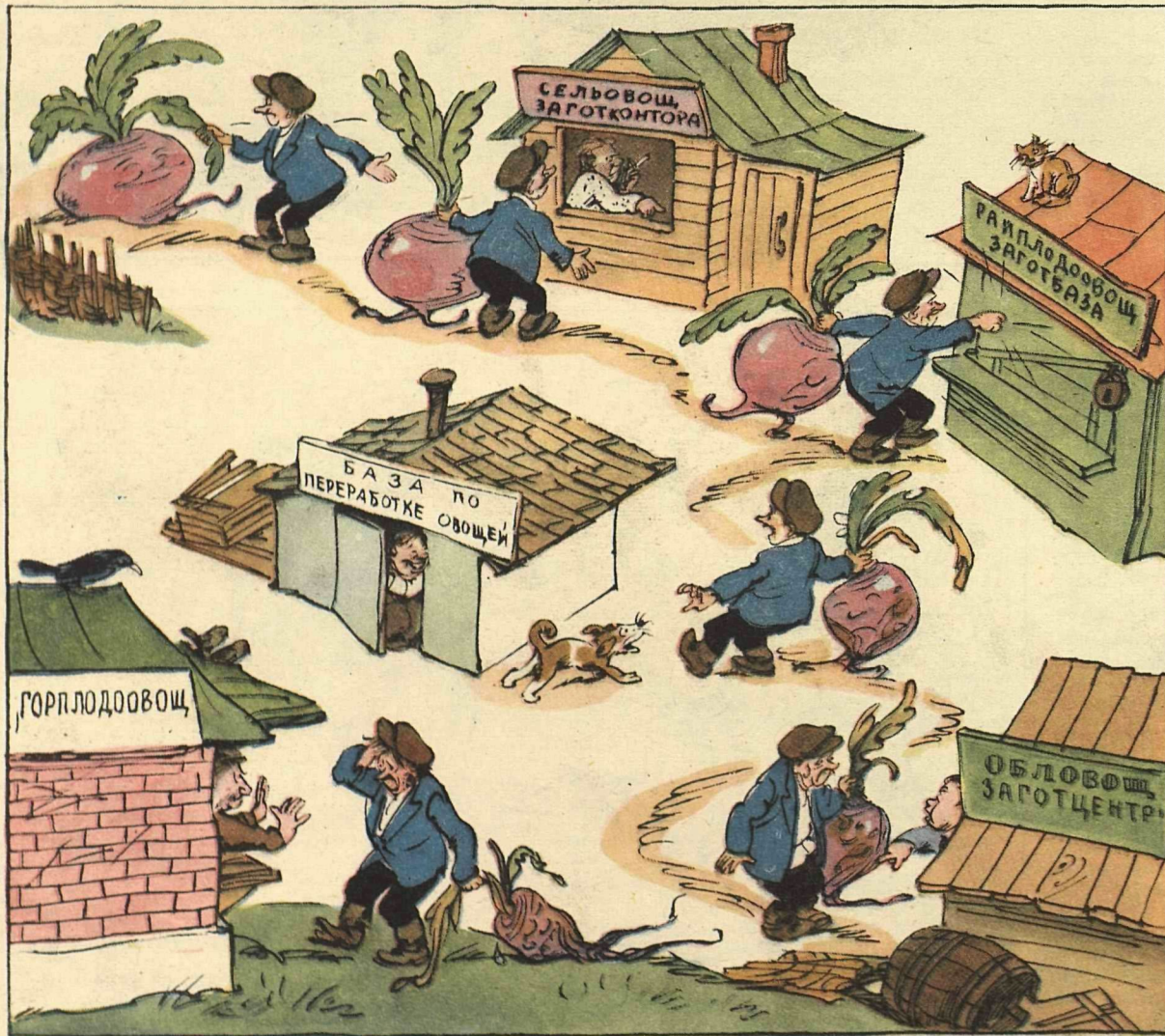
На все корки друг друга ругая,
Не держите в семье попугая!

А чтоб вам стенограмм не пугаться,
Лучше, братцы, совсем не ругаться!

Иллюстрации
К. РОТОВА.

Рисунок Ю. СМЕРНОВА.

ДОВЕЛИ...

Крокодил ПОМОГ

◆ В № 16 «Крокодила» была помещена заметка «Автопробег Перекрестова», в которой приводился факт о том, что работник треста «Забайкалестрансстрой» тов. Перекрестов совершил на самосвале восьмисуточный пробег с целью доставить дешевую картошку.

Отдел кадров Совета народного хозяйства Бурят-Монгольского экономического района сообщил, что заметка обсуждалась на всех предприятиях треста «Забайкалестрансстрой». На начальника строительного-монтажного управления тов. Голоднова наложено административное взыскание, тов. Перекрестов и шофер тов. Коноплев с работы сняты и из системы треста уволены. Материальный ущерб в сумме 2 290 рублей отнесен за счет виновных.

◆ «Человек и паровоз» — под таким заголовком в № 19 журнала «Крокодил» за 1957 год был опубликован материал о хулиганском поведении депутата исполкома Сокольнического райсовета тов. Драгошанского.

Бюро Сокольнического РК КПСС (гор. Москва) рассмотрело вопрос о неправильном поведении тов. Драгошанского и объявило ему строгий выговор с предупреждением, с занесением в личное дело. Драгошанский освобожден от работы в должности начальника транспортной конторы треста «Мосавтотранс».

Как сообщает исполком Сокольнического райсовета, вопрос о поведении тов. Драгошанского будет обсужден на сессии районного Совета.

◆ С обувной фабрики № 8 треста «Мосгоркожобувьпром», о низком качестве продукции которой говорится в фельетоне «Универмаг «Грош цена» (см. № 19 «Крокодила»), сообщили нам:

«Приняты необходимые меры к улучшению качества выпускаемой обуви. Вклеивание стелек в настоящее время производится на казенном клее».

ПРОШЛОЕ РЕГИСТРАТОРА ЗАГСa

Ниже мы публикуем неизвестную широкому читателю главу «Прошлое регистратора загса» из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Эта глава не была включена в отдельное издание романа. Однако она интересна тем, что ближе знакомит нас с одним из главных героев романа, Кисой Воробьяниновым, и дает яркую сатирическую картину мелкой и пошлой жизни провинциального дворянства накануне Велико-го Октября.

На масленицу 1913 года в Старгороде произошло событие, взволновавшее передовые слои местного общества.

В четверг вечером в кафешантане «Сальва», в роскошно отделанных залах, шла грандиозная программа:

**ВСЕМИРНОИЗВЕСТНАЯ
ТРУППА ЖОНГЛЕРОВ**

10 арабов!

ВЕЛИЧАЙШИЙ ФЕНОМЕН XX ВЕКА

Стэнс

**ЗАГАДОЧНО! НЕПОСТИЖИМО!
ЧУДОВИЩНО!**

Стэнс — человек-загадка!
Паразитические испанские акробаты
И нас!

Брезина — дива из парижского
театра Фоли-Бержер! Сестры Драфир
и другие номера!

Сестры Драфир — их было трое — металась по крохотной сцене, задник которой изображал Версальский сад, и с волжским акцентом пели:

Перед вами мы, как птички,
Легко порхаем здесь,
Толпа нам рукоплещет,
Бомонд в восторге весь.

Исполнив этот куплет, сестры вздрогнули, взяли за руки и под усилившийся аккомпанемент рояля грянули что есть силы рефрен:

Мы пор-хаем,
Мы слез не знаем,
Нас знает каждый всяк —
И умный и дурак.

Отчаянный пляс и обворожительные улыбки трио Драфир не произвели никакого действия на передовые круги старгородского общества. Круги эти, представленные в кафешантане гласным городской думы Чарушниковым с двоюродной сестрой, первогильдейным купцом Ангеловым, сидевшим навеселе с двумя двоюродными сестрами в палевых одеждах, архитектором управы, городским врачом, тремя помещиками и многими менее именитыми людьми и двоюродными сестрами и без них, проводили трио Драфир похоронными хлопками и снова предались радостям «семейного парадного ужина с шампанским Мумм (зеленая лента) по 2 рубля с персоны».

На столиках в особых стоечках из белого металла торчали привлекательные голубые меню, содержание которых, наводившее на купца Ангелова тяжелую пьяную скуку, было обольстительно и необыкновенно для молодого человека лет семнадцати, сидевшего у самой сцены с недорогой, очень зрелой двоюродной сестрой.

Молодой человек еще раз перечел меню: «Судачки попеть. Жаркое — цыпленок. Мало-сольный огурец. Суфле-глясе Жанна д'Арк. Шампанское Мумм (зеленая лента). Дамам — живые цветы». Сбалансировал в уме одному ему известные суммы и робко заказал ужин на две персоны. А уже через полчаса плакавшего молодого человека, в котором купец Ангелов громогласно опознал переодетого гимназиста, сына бакалейщика Дмитрия Маркеловича, выводил старый лакей Петр, с негодованием бормотавший: «А ежели денег нет, то зачем фрукты требовать? Они в карточке не обозначены, их цена особая». Двоюродная се-

стра, кокетливо закутавшись в кошачий палантин с черными лапками, шла позади, выбрасывая зад то направо, то налево. Купец Ангелов радостно кричал вслед опозоренному гимназисту: «Двоечник! Второгодник! Папе скажу! Будет тебе бенефис!»

Скука, навеянная выступлением сестер Драфир, исчезла бесследно. На сцену медленно вышла знаменитая мадемуазель Брезина с бритыми подмышками и небесным личиком. Дива была облачена в страусовый туалет. Она не пела, не рассказывала, даже не танцевала. Она расхаживала по сцене, умильно глядя на публику, пронзительно вскрикивала и одновременно с этим сбывала носком божественной ножки проволочное пенсне с носа партнера — бесцветного усатого господина. Ангелов и городской архитектор, бритый старичок, были вне себя.

— Отдай все, и мало! — кричал Ангелов страшным голосом.

Гласный городской думы Чарушников, ужаленный в самое сердце феей из Фоли-Бержер, поднялся из-за столика и, примерившись, бросил на сцену кружок серпантина. Развившись только до половины, кружок попал в подбородок прелестной дивы. Неподдельное веселье захватило зал. Требовали шампанское. Городской архитектор плакал. Помещики усиленно приглашали городского врача к себе, в деревню. Оркестр заиграл туш.

В момент наивысшей радости раздался громкий голос. Оркестр смолк, и архитектор, первый обернувшийся к входу, сперва за-

кашлялся, а потом заплотировал. В зал вошел известный мот и бонвиван, уездный предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов, ведя под руки двух совершенно голых дам. Позади шел околочный надзиратель, держа под мышкой разноцветные бебехи, составлявшие, по-видимому, наряды разоблачившихся спутниц Ипполита Матвеевича.

— Извините, ваше высокоблагородие! — дрожащим голосом говорил околочный. — Но по долгу службы...

Голые дамы с любопытством смотрели на окружающих. В зале началось смятение. Не пал духом один лишь Ангелов.

— Голубчик! Ипполит Матвеевич! — закричал он. — Орел! Дай я тебя поцелую.

— По долгу службы, — неожиданно твердо вымолвил околочный, — не позволяют пра-вила!

— Что-с? — спросил Ипполит Матвеевич тенором. — Кто вы такой?

— Околочный надзиратель шестого око-лотка, Садовой части, Юкин.

— Господин Юкин, — сказал Ипполит Матвеевич, — сходите к полицмейстеру и доложите ему, что вы мне надоели. А теперь по долгу службы делайте, что хотите.

И Ипполит Матвеевич горделиво проследовал со своими спутницами в отдельный кабинет, куда немедленно ринулись встревоженные метрдотель, сам хозяин «Сальвы» и совершенно одичавший купец Ангелов.

Событие это, взволновавшее передовые круги старгородского общества, окончилось так же, как оканчивались все подобные события: 25 рублей штрафа и статейка в местной либеральной газете «Общественная мысль» под неосторожным заглавием «Похождения предводителя». Статейка была написана возвышенным слогом и начиналась так:

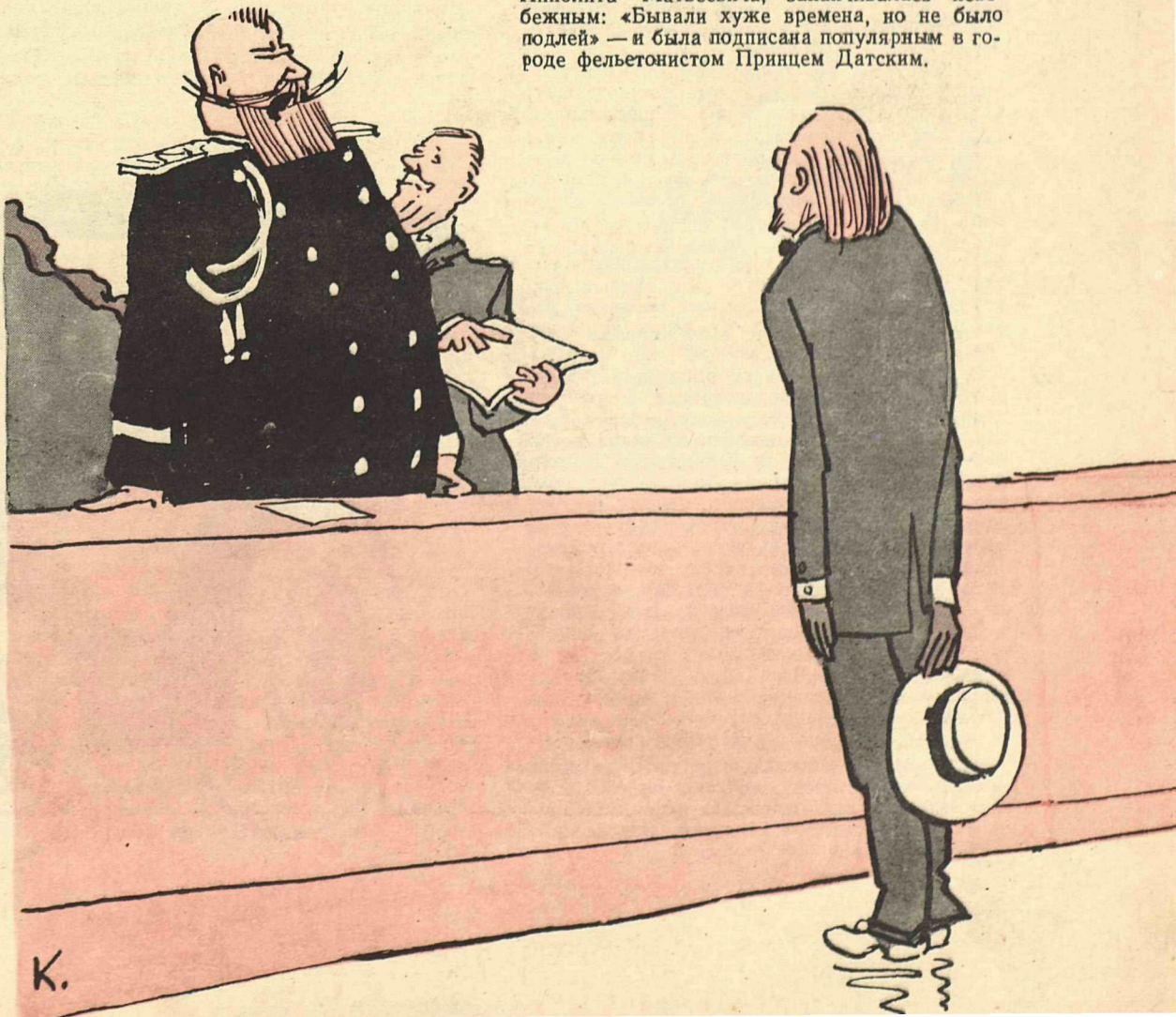
«В нашем богоспасаемом городе что ни событие, то:

— Сенсация!

И, как нарочно, в каждой сенсации замешаны именно:

— Влиятельные лица!!!»

Статья, в которой упоминались инициалы Ипполита Матвеевича, заканчивалась неизбежным: «Бывали хуже времена, но не было подлей» — и была подписана популярным в городе фельетонистом Принцем Датским.

В тот же день чиновник для особых поручений при градоначальнике позвонил в редакцию и любезно просил господина Принца Датского прибыть в канцелярию градоначальника к 4 часам дня для объяснений. Принц Датский сразу затосковал и уже не смог дописать очередного фельетона. В назначенное время венценосный журналист сидел в приемной градоначальника и, смущаясь, думал о том, как он, заикающийся настолько, что его не смогли излечить даже курсы профессора Файнштейна, будет объясняться с градоначальником, человеком вспыльчивым и ничего не понимающим в газетной технике.

Градоначальник с особым удовольствием всматривался в синеватое лицо Принца Датского, который тшкетно силился выговорить необыкновенно трудные для него слова: «Ваше высокопревосходительство». Беседа кончилась тем, что градоначальник поднялся из-за стола и сказал:

— Для вашего спокойствия рекомендую о таких вещах больше не заикаться.

Принц Датский, успевший сделать к этому времени слова «ваше высокопревосходительство», зашипел особенно сильно, позволил себе улыбнуться и, почти выворачиваясь наизнанку, вытряхнул из себя ответ:

— Т-т-т-так я же в-в-в-ообще з-заикаюсь! Остроумие Принца было оценено довольно дорого. Газета заплатила 100 рублей штрафа и о следующих похождениях Ипполита Матвеевича уже ничего не писала.

Неожиданные поступки были свойственны Ипполиту Матвеевичу с детства.

Ипполит Матвеевич Воробьянинов родился в 1875 году в Старгородском уезде, в поместье своего отца Матвея Александровича, страстно любителя голубей. Пока сын рос, болел детскими болезнями и вырабатывал первые взгляды на жизнь, Матвей Александрович гонял длинным бамбуковым шестом голубей, а по вечерам, запахнувшись в халат, писал сочинение о разновидностях и привычках любимых птиц. Все крыши усадебных построек были устланы хрупким голубиным пометом. Любимый голубь Матвея Александровича «Фредерик» со своей супругой «Манькой» обитал в отдельной благоустроенной голубятне.

На девятом году мальчика определили в подготовительный класс старгородской дворянской гимназии, где он узнал, что, кроме красивых и приятных вещей — пенала, скрипящего и пахучего кожаного ранца, переводных картинок и упонительного катания на лаковых перилах гимназической лестницы, — есть еще единички, двойки, двойки с плюсом и тройки с двумя минусами.

О том, что он лучше других мальчиков, Ипполит узнал уже во время вступительного экзамена по арифметике. На вопрос, сколько получится яблок, если из левого кармана вынуть три яблока, а из правого девять, сложить их вместе, а потом разделить на три, Ипполит ничего не ответил, потому что решить этой задачи не смог. Экзаменатор собрался было записать Воробьянинову Ипполиту двойку, но батюшка, сидевший за экзаменационным столом, со вздохом сообщил: «Это Матвея Александровича сын. Очень бойкий мальчик». Экзаменатор записал Воробьянинову Ипполиту три, и бойкий мальчик был принят.

В Старгороде было две гимназии: дворянская и городская. Воспитанники дворянской гимназии питали вражду к питомцам гимназии городской. Они называли их «карандашами» и гордились своими фуражками с красным околышем. За это, в свою очередь, они получили обидное прозвище «баклажан». Не один карандаш принял мученический венец из «фонарей» и «бланшей» от руки мстительных баклажан. Озлобленные карандаши устраивали на баклажан-одиночек облавы и с гиканьем обстреливали дворянчиков из дальноточных рогаток. Баклажан-одиночка, тряся ранцем, спасался в переулок и долго еще сидел в подьезде какого-нибудь дома, бледный, потерявший одну галошу. Взятая в плен галоша забрасывалась победителями на крышу трехэтажного дома, самого высокого в городе.

Были еще в Старгороде кадеты, которых гимназисты называли «сапогами», но жили они в двух верстах от города в своем корпусе и вели, по мнению баклажан, жизнь загадочную и даже легендарную.

Ипполит завидовал кадетам, их голубым погончикам с наляпанным по трафарету желтым александровским вензелем, их бляхам с накладными орлами; но лишенный по воле отца возможности получить воспитание воина, сидел в гимназии, получал тройки с двумя минусами и предпринимал самые неслыханные дела.

В третьем классе Ипполит остался на второй год. Как-то перед самыми экзаменами во время большой перемены три гимназиста забрались в актовый зал и долго лазили там, с восторгом осматривая стол, покрытый сверкающим зеленым сукном, тяжелые малиновые портьеры с бомбошками и кадки с пальмами. Гимназист Савицкий, известный в гимназических кругах сорвиголова, радостно плюнул в вазон с фикусом. Ипполит и третий гимназист, Пыхтеев-Какуев, чуть не умерли от смеха.

— А фикус ты можешь поднять? — с почтением спросил Ипполит.

— Ого! — ответил сылч Савицкий.

— А ну подними!

Савицкий сейчас же начал трудиться над фикусом.

— Не подымень! — шептали Ипполит с Пыхтеевым-Какуевым.

Савицкий с красной мордочкой и взмокшими нахолодными волосами продолжал напрыгаться у фикуса.

Вдруг произошло самое ужасное. Савицкий оторвался от фикуса и спиной налетел на колонну красного дерева с золотыми ложбинками, на которой стоял мраморный бюст Александра Т, благословенного. Бюст зашатался, слепые глаза царя укоризненно посмотрели на мигмом притихших гимназистов, и благословенный, постояв секунду под углом сорок пять градусов, кинулся головой вниз, как пловец в реку. Падение императора имело роковые последствия. От лица царя отделился сверкающий рафинадный кусок, в котором гимназисты с ужасом узнали нос. Холодея, товарищи подняли бюст и поставили его на прежнее место. Первым убежал Пыхтеев-Какуев.

— Что же теперь будет, Воробьянинов? — спросил Савицкий.

— Это не я разбил, — быстро ответил Ипполит.

Он покинул актовый зал вторым. Оставшись один, Савицкий, не надеясь ни на что, пытался водворить нос на прежнее место. Нос не приставал. Тогда Савицкий пошел в уборную и утопил нос в дыре.

Во время «греческого» в третий класс вошел директор Сизик. Сизик сделал греку знак

оставаться на месте и произнес ту же самую речь, которую он только что произносил по очереди в пяти старших классах. У директора не было зубов.

— Гошпода, — заявил он, — кто разбил бюшт гошударя в актовом жале?

Класс молчал.

— Пожор! — рявкнул директор, обрызгивая слюною зубрил, сидящих на передних партах.

Зубрили преданно смотрели в глаза Сизика. Взгляд их выражал горькое сожаление о том, что они не знают имени преступника.

— Пожор! — повторил директор. — Имейте в виду, гошпода, что ешли в чечение чаша виновный не шожнаеча, вешь клаш будет оштавлен на второй год. Те же, которые шидят второй год, будут ишключены.

Третий класс не знал, что Сизик говорил о том же самом во всех классах, и поэтому его слова вызвали страх.

Конец урока прошел в полном смятении. Грека никто не слушал. Ипполит смотрел на Савицкого.

— Сизик врет, — говорил Савицкий грустно, — пугает. Нельзя всех оставить на второй год.

Пыхтеев-Какуев плакал, положив голову на парту.

— А мы-то за что? — кричали зубрили, преданно глядя на грека.

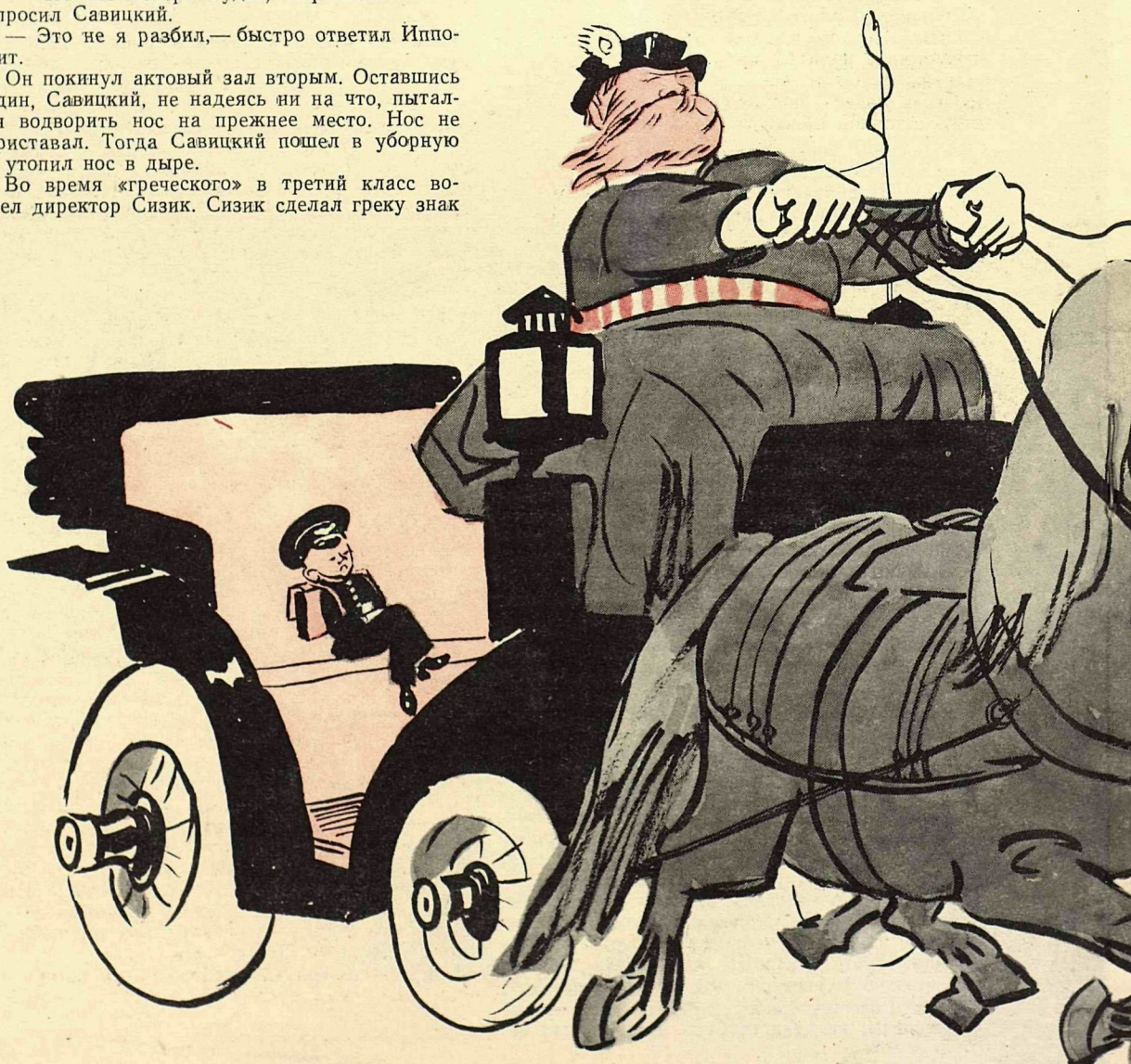
— Ну, дети, дети, дети! — взывал грек.

Но паника только увеличивалась. Плакал уже не один Пыхтеев-Какуев. Доведенные до отчаяния зубрили рыдали. Звонко, возвестивший конец урока, прозвучал среди взрывов всеобщего отчаяния.

Зубрила Мурзик прочел молитву после учения: «Благодарим тебе, создателю», — икая от горя.

После урока Савицкий, не добившись никакого толку от заплаканного Пыхтеева-Какуева, пошел искать Ипполита, но Ипполита нигде не было.

На другой день Савицкий был исключен из

гимназии. Пыхтеев-Какуев получил тройку за поведение с предупреждением и вызовом родителей. Родитель, мелкопоместный владетель, приехал на бегунках, запряженных неподкованной лошадкой, и после разговора с директором утащил сына в шинельную, где и отдрал его самым зверским образом суконными вожжами в присутствии массы любопытных из старших классов. Рев маленького Пыхтеева-Какуева был слышен за городской чертой.

Ипполит наказан не был, а гимназические его годы сопровождали обычные события и вещи. В гимназию он приезжал в фаятоне с фонарями и толстым кучером, который величал его по имени и отчеству. Липки и резинки водились у него самые лучшие и дорогие. Играл он в перышки всегда счастливо, потому что перья покупали ему целыми коробками, и с таким резервом он мог играть до бесконечности, беря противников на выдержку. Завтракать он ездил домой. Это вызывало зависть, и он этим гордился.

В шестом классе была выкурена первая папироса. Зима прошла в гимназических балах. Ипполит вертелся в мазурке и пил в гардеробной ром. В седьмом классе его мучили квадратные уравнения, «чертова лестница» (объем пирамид), параллелограмм скоростей и «Метаморфозы» Овидия. А в восьмом классе он узнал «Логикку», «Христианское нравочение» и легкую венерическую болезнь.

Отец его сильно одряхлел. Длинный бамбуковый шест дрожал в его руках, а сочинение о свойствах голубиной породы еще не дошло до середины. Матвей Александрович умер, так его и не закончив, и Ипполит Матвеевич, кроме шестнадцати голубиных стай, совершенно иссохшего и ставшего похожим на поугая «Фредерика», получил двадцать тысяч годового дохода и огромное плохо поставленное хозяйство.

Начало самостоятельной жизни молодой Воробьянинов ознаменовал кутежом с пьяной стрельбой по голубям. Он не пошел ни в университет, ни на государственную службу. От военной службы его избавила общая слабость здоровья, поразительная в таком цветущем на вид человеке. Он так и остался неслужащим дворянином, золотой рыбкой себе на уме, неверным женихом и волокитой по натуре. Он переустроил родительский особняк в Старгороде на свой лад, завел камердинера с баками, трех лакеев, повара-француза и большой штат кухонной прислуги.

Благотворительные базары в Старгороде отличались большой пышностью и изобретательностью, которую наперерыв проявляли дамы избранного общества. Базары эти устраивались то в виде московского трактира, то на манер кавказского аула, где черкешенки в корсетах торговали в пользу приютских детей шампанским Ан по цене, неслыханной даже на таких заоблачных высотах.

На одном из этих базаров Ипполит Матвеевич, стоя под вывеской: «Настоящи кавказки духан. Нормални кавказки удоволсти», — познакомился с женой нового окружного прокурора, Еленой Станиславовной Боур. Прокурор был стар, но жена его, по уверению секретаря суда, была:

...Сама юность волнующая,
Сама младость ликующая,
К поцелуям зовущая,
Вся такая воздушная...

Секретарь суда грешил стишками. «Зовущая к поцелуям» Елена Станиславовна носила на голове черную бархатную тарелочку с шелковой розеткой цветов французского национального флага, что должно было изображать полный наряд молодой черкесской девицы. На плече воздушная прокурорша держала картонный кувшин, оклеенный золотой бумагой, из которого торчало горлышко шампанской бутылки.

— Разрешите стаканчик шенпански! — сказал Ипполит Матвеевич, представляясь истинным горцем.

Прокурорша нежно улыбнулась и спустила с плеча кувшин.

Ипполит Матвеевич, задержав дыхание, смотрел на ее голые парафиновые руки, немело открывающие бутылку. Он выпил шипучку, не почувствовав даже вкуса. Голые руки Елены Станиславовны смешили все его мысли. Он вынул из жилетного кармана сотенный билет, положил его на край скалы из буро-папье-маше и, громко сопя, отошел. Прокурорша улыбнулась еще нежней, потащила кредитку к себе и молвила музыкальным голосом:

— Бедные дети не забудут вашей щедрости.

Ипполит Матвеевич издали прижал руки к груди и поклонился на целый аршин глубже, чем кланялся обычно. Разогнувшись, он понял, что без прокурорши ему не жить, и попросил секретаря представить его новому прокурору. Прокурор был похож на умную обезьяну. Прогуливаясь с Ипполитом Матвеевичем между замком Тамары и чучелом орла, державшим в клюве кружку для пожертвований, прокурор Боур проворно чесал у себя за ухом и рассказывал последние петербургские новости.

С Еленой Станиславовной Воробьянинову в этот вечер довелось разговаривать еще несколько раз по поводу бедственного положения приютских детей и живописности старгородского парка.

На следующий день Ипполит Матвеевич подкатил к подъезду Боуров на злейших в мире лошадях, провел полчаса в приятнейшей беседе о бедственном положении приютских детей, а уже через месяц секретарь суда конфиденциально шепнул в мохнатое ухо следователя по важнейшим делам, что прокурор, «кажется, стал бодаться», на что следователь с усмешкой ответил: «Це дило треба розжуваты» — и рассказал очень интересное дело, слушавшееся в городе Орле и окончившееся оправданием мужа, убившего изменницу-жену.

Во всем городе дамочки заливались по-солоньиному. Мужья завидовали удачливости Воробьянинова. Постники, трезвенники и идеалисты забрасывали прокурора анонимными письмами. Прокурор читал их на заседаниях суда, ловко и быстро почесывая за ухом. С Воробьяниновым он был любезнее прежнего. Положение его было безвыходным: он ожидал вскоре перевода в столицу и не мог портить карьеры пошлым убийством любовника жены.

Но Ипполит Матвеевич позволил себе совершенную безтактность. Он велел выкрасить свой экипаж в белый цвет и прокатился в нем вместе с угоревшей от любви прокуроршей по Большой Пушкинской улице.

Напрасно Елена Станиславовна прикрывала мраморное лицо вуалеткой, расшитой черны-

ми птичками: ее узнали все. Город в страхе содрогнулся, но и этот любовный эксцесс не оказал на прокурора никакого действия. Отчаявшиеся постники, трезвенники и идеалисты стали бомбардировать анонимками самое министерство юстиции. Товарищ министра был поражен трусостью окружного прокурора. Все ждали дуэли. Но прокурор, по-прежнему, минувшая оружейный магазин, катил каждое утро к зданию судебных установлений, с грустью поглядывая на фигуру Фемиды, державшей весы. В одной из чаше Боур явственно видел себя Санкт-Петербургским прокурором, а в другой — розового и наглого Воробьянинова.

Все кончилось совершенно неожиданно: Ипполит Матвеевич увез прокуроршу в Париж, а прокурора перевели в Сызрань. В Сызрань прокурор прожил долго, заслал человек восемьсот на каторгу и в конце концов умер.

Когда через год они вернулись назад, Старгород был завален снегом. Тяжелые обозы шагом проходили по Большой Пушкинской. Обледенелые деревья Александровского бульвара были абонированы галками. Снежные звезды, крестики и другие морозные знаки отличий медленно садились на нос Ипполита Матвеевича. Ветра не было. С вокзала Ипполит Матвеевич ехал на низких санках, небрежно поглядывая на городские достопримечательности: на новое здание биржи, сооруженное усердием старгородских купцов в ассирийско-вавилонском стиле, на каланчу Пушкинской части с висевшими на ней двумя большими крутыми бомбами, которые указывали на пожар средней величины, возникший в районе.

— Кто горит, Михайла? — спросил Ипполит Матвеевич кучера.

— Балагуровы горят. Вторые сутки.

Не проехали и двух кварталов, как натолкнулись на небольшую толпу народа, уныло стоявшую напротив балагуровского дома. Из открытых окон второго этажа медленно выходил дым. В окне появился пожарный и лениво прокричал вниз:

— Ваня! Дай-ка французскую лестницу.

Снег продолжал лететь. Внизу никто не отозвался. Пожарный в раздумье постоял у окна, зевнул и равнодушно скрылся в дыму.

— Так он и пять суток гореть будет, — гневно сказал Ипполит Матвеевич. — Тоже... Париж!

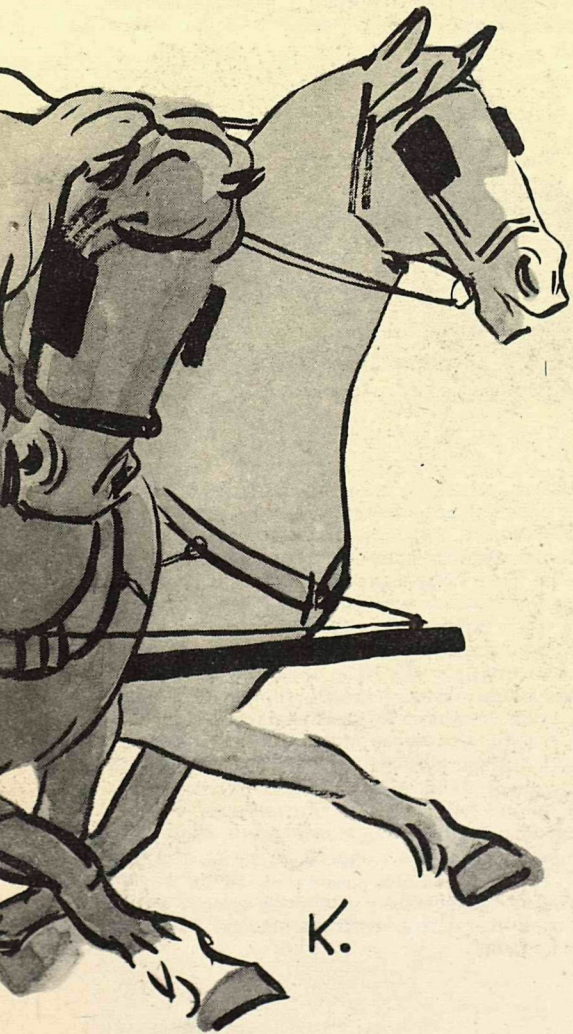
С Еленой Станиславовной Воробьянинов разошелся очень мирно. Продолжал бывать у нее, ежемесячно посылал ей в конверте 300 рублей и нисколько не обижался, когда заставал у нее молодых людей, по большей части бойких и прекрасно воспитанных.

Ипполит Матвеевич продолжал жить в своем особняке на Денисовской улице, ведя легкую холостую жизнь. Он очень заболтался о своей наружности, посещал первые представления в городском театре и одно время так пристрастился к опере, что подружился с баритоном Аврамовым и пропел с ним арию Жермона из «Травиаты»: «Ты забыл край милый свой, бросил ты Прованс родной... Когда приступили к разучиванию арии Риголетто: «Куртизаны, исчадья порока, насмеялись надо мною вы жестоко», — баритон с негодованием заметил, что Ипполит Матвеевич живет с его женою, колоратурным сопрано. Последовавшая затем сцена была ужасна. Возмущенный до глубины души баритон сорвал с Воробьянинова 160 рублей и поскакал в Казань.

Скабрзные похождения Ипполита Матвеевича, а в особенности избивание в клубе благородного собрания присяжного поверенного Мурузи закрепили за ним репутацию демонического человека.

Даже в 1905 году, принесшем беспокойство и тревогу, Ипполита Матвеевича не покинула природная жизнерадостность и вера в твердые устои российской государственности. К тому же в имени Ипполита Матвеевича все прошло тихо, если не считать сожжения нескольких стогов сена. Графа Витте, заключившего Портсмутский мир, Ипполит Матвеевич сгоряча назвал предателем, но подробно по этому поводу так и не высказался.

Новые годы не переменяли жизни Ипполита Матвеевича. Он часто бывал в Петербурге и Москве, любил слушать цыган, делая при этом тонкое различие между петербургскими и московскими, посещал гимназических това-

рицей, служивших кто по министерству внутренних дел, а кто по финансовой части.

Жизнь проходила весело и быстро. На Ипполита Матвеевича уже не охотились предприимчивые родоначальники. Все считали его безразличным холостяком. И вдруг в 1911 году Воробьянинов женился на дочери соседа, состоятельного помещика Петухова. Произошло это после того, как отъявленный холостяк, заехав как-то в имение, увидел, что дела его пошатнулись и что без выгодной женитьбы поправить их невозможно. Наибольшее приданое можно было получить за Мари Петуховой, долговзой и кроткой девушкой. Два месяца Ипполит Матвеевич складывал к подножью Мари белые розы, а на третий сделал предложение, женился и был избран уездным предводителем дворянства.

— Ну, как твой скелетик? — нежно спрашивала Елена Станиславовна, у которой Ипполит Матвеевич после женитьбы стал бывать чаще прежнего.

Ипполит Матвеевич весело ощеривался, заливаясь смехом.

— Нет, честное слово, она очень милая, но до чего навивна... А теща, Клавдия Ивановна!.. Ты знаешь, она называет меня Эполет. Ей кажется, что так произносят в Париже! Замечательно!

С годами жизнь Ипполита Матвеевича заметно менялась. Он рано и красиво поседел. У него появились маленькие привычки. Просыпаясь по утрам, он говорил себе «Гут морген» или «Бонжур». Его одолевали детские страсти. Он начал собирать земские марки, ухлопал на это большие деньги, скоро оказался владельцем лучшей коллекции в России и завел оживленную переписку с англичанином Энфильдом, обладавшим самым полным собранием русских земских марок. Превосходство англичанина в области коллекционирования марок подобного рода сильно волновало Ипполита Матвеевича. Положение предводителя и большие связи помогли ему в деле одоления соперника из Глазго. Ипполит Матвеевич подбил председателя земской управы на выпуск новых марок Старгородского губернского земства, чего уже не было лет десять. Председатель, смешливый старик, введенный Ипполитом Матвеевичем в суть дела, долго хохотал и согласился на предложение Воробьянинова. Новые марки были выпущены в двух экземплярах и включены в каталог за 1912 год. Клише Воробьянинов собственноручно разбил молотком. Через три месяца Ипполит Матвеевич получил от Энфильда учтивое письмо, в котором англичанин просил продать ему одну из этих редчайших марок по цене, какую будет угодно назначить мистру Воробьянинову.

От радости на глазах у мистера Воробьянинова выступили слезы. Он немедленно сел писать ответное письмо мистру Энфильду. В письме он написал латинскими буквами только два слова: «Накося выкуси».

После этого деловая связь с мистром Энфильдом навсегда прекратилась, и удовлетворенная страсть Ипполита Матвеевича к маркам значительно ослабела.

К этому времени Воробьянинова стали звать бонвиваном. Да он и в самом деле любил хорошо пожить. Жил он, к удивлению тещи, до-

ходами от имени своей жены. Клавдия Ивановна однажды даже пыталась поделиться с ним своими взглядами на жизнь и обязанности примерного мужа, но зять внезапно затрясся, сбросил на пол сахарницу и крикнул: — Замечательно! Меня учат жить! Это просто замечательно!

Вслед за этим бушующий зять ужатил в Москву на банкет, затейный охотничьим клубом в честь умерщвления известным охотником Г. Шарабариним двухтысячного, со времени основания клуба, волка.

Столы были расставлены полумесяцем. В центре на сахарной скатерти среди поросат, залитых и воспетых графинчиков с водками и коньяками лежала шкура юбиляра. Г. Шарабарин в коричневой визитке и котелке, клокнувший уже с утра и ослепленный магнием бесчисленных фотографов, стоял, дико поглядывая по сторонам, и слушал речи.

Ипполиту Матвеевичу слово было предоставлено поздно, когда он уже основательно развеселился. Он быстро накинул на себя шкуру волка и, позабыв о семейных делах, торжественно сказал:

— Милостивые государи, господа члены охотничьего клуба! Позвольте вас поздравить от имени старгородских любителей ружейной охоты с таким знаменательным событием. Очень, очень приятно видеть таких почтенных любителей ружейной охоты, как господин Шарабарин, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов! Очень, очень приятно!

Сказав этот спич, Ипполит Матвеевич сбросил на пол юбилейную шкуру, поставил на нее сопротивляющегося господина Шарабарина и троекратно с ним расцеловался.

В этот свой наезд Ипполит Матвеевич пробыл в Москве две недели и вернулся веселый и злой. Теща дулась. И Ипполит Матвеевич в пику ей совершил поступок, который дал такую обильную пищу злоязычию Принца Датского.

Был 1913 год.

Французский авиатор Бранденжон де Мулинэ совершил свой знаменитый перелет из Парижа в Варшаву на приз Помери. Дамы в корзинных шляпах, с кружевными белыми зонтиками и гимназисты старших классов встретили победителя воздуха восторженными криками. Победитель, несмотря на перенесенное испытание, чувствовал себя довольно бодро и охотнопил русскую водку.

Жизнь била ключом.

На Александровском вокзале в Москве толпа курсисток, носильщиков и членов общества «Свободной эстетики» встречала вернувшегося из Полинезии К. Д. Балмонта. Толстощекая барышня первая кинула в трубадура с козлиной бородкой мокрую розу. Поэта осыпали цветами весны — ландышами. Началась первая приветственная речь:

— Дорогой Константин, семь лет ты не был в Москве...

После речей к поэту прорвался почитатель из присяжных поверенных и, передавая букет поэту, сказал вытверженный наизусть экспромт:

Из-за туч
Солнца луч —
Гений твой.
Ты могуч,
Ты певуч,
Ты живой.

Вечером в обществе «Свободной эстетики» торжество чествования поэта было омрачено выступлением неофутуриста Маяковского, допытывавшегося у прославленного барда, «не удивляет ли его то, что все приветствия исходят от лиц, ему близко знакомых». Шиканье и свистки покрыли речь неофутуриста.

Два молодых человека — двадцатилетний барон Гейсмар и сын видного чиновника министерства иностранных дел Далматов — по-

знакомились в иллюзионе с женой прапорщика запаса Марианной Тиме и убили ее, чтобы ограбить.

В кинематографах, на морщинистых экранах, шла сильная драма в трех частях из русской жизни: «Княгиня Бутырская», хроника мировых событий «Эклер-журнал» и комическая «Талантливый полицейский» с участием Поксона (гомерический хохот).

Из Спасских ворот Кремля выходил на Красную площадь крестный ход, и протоиерей Розов, десятипудовой верзила, читал устрашающим голосом высочайший манифест.

В старгородской газете «Ведомости градоначальства» появился ликующий стишок, принадлежащий перу местного цензора Плаксина:

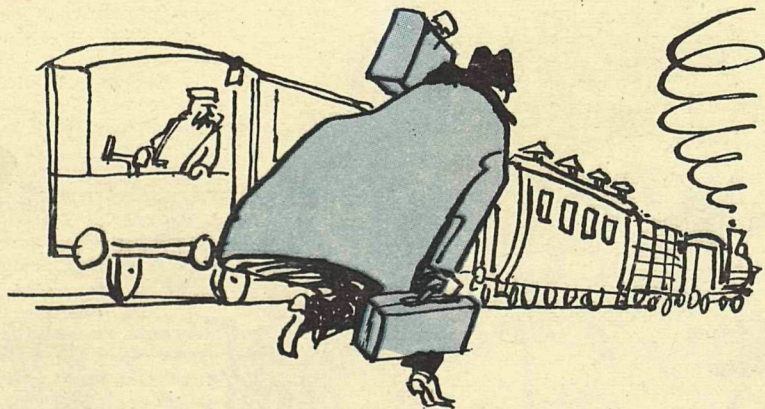
— Скажи, дорогая мамаша,
Какой нынче праздник у нас,
В блестящем мундире папаша,
Не ходит брат Митенька в класс?

Брат Митенька не ходил в класс по случаю трехсотлетия дома Романовых. И папаша, действительно, в блестящих мундирах и протосторных треуголках катили в пролетках к стрельбищному полю, на котором назначен был парад частей гарнизона, кадетского корпуса и казенных гимназий.

На джуговой фабрике и в железнодорожных мастерских рабочим раздавались билеты на романовские гулянья в саду трезвости, а вечером несколько штатских выхватили из толпы гуляющих двух рабочих и отвезли их на извозчиках в жандармское управление. В темном небе блистал, сокращался и, раздуваемый ветром, снова пылал фейерверочный императорский вензель.

В эту же ночь Ипполит Матвеевич, от которого еще пахло духами, переаривал торжественный ужин, сидя на балконе своего особняка. Ему было только 38 лет. Тело он имел чистое, полное и доброкачественное. Зубы все были на месте. В голове, как ребенок во чреве матери, мягко шевелился свежий армянский анекдот. Жизнь казалась ему прекрасной. Теща была побеждена, денег было много, на будущий год он замыслил новое путешествие за границу.

Но не знал Ипполит Матвеевич, что через год, в мае, умрет у него жена, а в июле возникнет война с Германией. Он считал, что к пятидесяти годам будет губернским предводителем, не зная того, что в восемнадцатом году его выгонят из собственного дома и он, привыкший к удобному и сытому безделью, покинет потугший Старгород, чтобы в товарно-пассажирском поезде бежать куда глаза глядят.

Ипполит Матвеевич, сидя на балконе, видел в своем воображении мелкую рябь остендского взморья, кровли Парижа, темный лик и сияние медных кнопок международного вагона, но не воображал себе Ипполит Матвеевич (а если бы и вообразил, то все равно не понял бы) хлебных очередей, замерзшей постели, масляного «каганца», сыпнотифозного бреда и лозунга «Сделал свое дело и уходит» в канцелярии загса уездного города Н.

Не знал Ипполит Матвеевич, сидя на балконе, и того, что через четырнадцать лет, еще крепким мужчиной, он вернется в Старгород и снова войдет в те самые ворота, над которыми он сейчас сидит, войдет чужим человеком, чтобы искать клад своей тещи, сдуру запрятанный ею в гамбсовский стул, на котором ему так удобно сейчас сидеть, и, глядя на похлающий фейерверк с горящим в центре императорским гербом, мечтать о том, как прекрасна жизнь!

Следы в пустыне.

— Он преподает нам закон джунглей.

ШОЗНИ мистера Шайтана

Могучий и прославленный во всех странах света джин Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, а в просторечии старик Хоттабыч, вернулся из дальних странствий в родные края и решил привести в порядок свои запущенные дела. Положив перед собой несколько листов пергамента, он вдруг удивленно поднял густые брови.

— Что это значит, почтенный Мухаммед ибн Махмуд? — спросил он у своего личного секретаря, указав перстом в штатное расписание служителей мечетей.

В этом документе какой-то шайтан зачеркнул вечным пером одну из должностей и вместо нее вписал: «Радиомуэдзин».

— Как вы думаете, чья это работа?

— По почерку видно — американская, о мудрый ибн Хоттаб, — ответил искушенный секретарь.

— Зачем им понадобилась такая модернизация?

— Видите ли, о наш заступник, они пытаются дополнить и, так сказать, подсластить ею доктрину Эйзенхауэра.

— Это еще что за доктрина, и при чем она здесь?!

— О, это хитрый трюк, мой повелитель! Американцы уверяют, что с помощью доктрины они оспаривают арабов. Однако молитвы правоверных, доходящие до нас, свидетельствуют, что этой

уловкой они хотят превратить нашу паству в рабов. Чужеземец желает стать погонщиком неприрученного верблюда.

— В таком случае он смешон, как ишак, выдающий себя за скакуна.

— Истинно так, о великий ибн Хоттаб. Вот почитайте американский журнал «Ньюсуик». В нем написано, что проявление своей

любви к арабскому миру служители доктрины решили начать с использования исламистского минарета в заморском городе Вашингтоне...

— И что же у них вышло?

— Пока ничего. У них не оказалось даже живого муэдзина, и некому было призывать к молитве. Тогда ловкие американцы записали у нас на Востоке голос

какого-то муэдзина, и теперь он ежедневно раздается с высоты вашингтонского минарета. Вот почему они решили внести поправку в установленные свыше штаты. Глупцы полагают, что доктрина Эйзенхауэра дает им право сделать и это...

Мухаммед ибн Махмуд не договорил. Раздался телефонный звонок. Вызывали из Вашингтона.

— Хэлло! — послышалось в трубке. — Мистер ибн Хоттаб? Говорит известный американский специалист по части джаза и музыкальных ревью. Мы хотим предложить вместо богослужений устраивать в вашингтонской мечети танец рок-н-ролл. Будет великолепно! И главное, минимум затрат: мы упраздним хатиба-проповедника и поставим радиолу!.. Хэлло, вы меня слышите?.. Для начала я уже сочинил модную танцевальную песенку с таким припевом:

Да поможет аллах

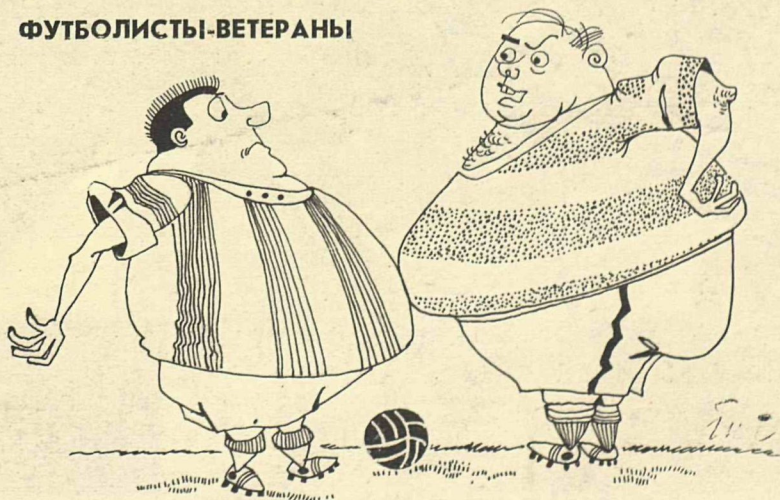
Нам в военных делах...

Это произведение будет исполняться на ультрасовременный мотив. Я звоню вам, чтобы попросить разрешения приехать записать на пленку для аккомпанемента рев осла и крики...

Старик Хоттабыч не выдержал. Он гневно бросил трубку.

Рисунок Имре САНТО (Венгрия) для «Крокодила».

ФУТБОЛИСТЫ-ВETERАНЫ

— Не видели ли вы случайно, куда девался мяч!

Д. ЛЮБИМОВ

Рисунок Станислава ЗЯРНКОВСКОГО (Польша) для «Крокодила».

— Пятьдесят долларов!!! Или мы вам сейчас продемонстрируем сценку из этого фильма...

УГОЛОВНИКИ В МУНДИРАХ

Не так давно боннский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» решил порадовать своих хозяев. Он написал, что отношения западногерманского населения с американскими солдатами и офицерами «колеблются от хороших до превосходных».

Едва успели редакторы «Нью-Йорк таймс» опубликовать это бодрое заявление, как из Федеративной республики пришла очередная порция свежих сообщений, неплохо иллюстрирующих подлинный характер вышеупомянутых отношений.

В Аугсбурге взаимопонимание между двумя американскими солдатами и одним местным жителем вылилось в столь нежную форму, что беззащитный немец получил несколько искренних и дружественных ударов дубинкой по темени.

В Нюрнберге шесть американских солдат во имя установления подлинного сотрудничества избили двух немцев.

В близ Бамберга военной автомашиной, в которой находились три американских солдата, была весьма любезно сбита (и получила тяжелые ранения) немка-велосипедистка.

В Мюнхене группа жизнерадостных американских оккупантов позволила себе невинно пошутить с прохожими. Когда на крики пострадавших от этих шуток прибыл отряд полиции, веселящиеся американцы забросали полицейских булыжниками.

В районе Ульма группа американских военнослужащих вежливо уговорила шофера такси поделиться выручкой. Подвергшийся угворам шофер был в тяжелом состоянии доставлен в больницу.

В Ашаффенбурге во время местного народного праздника трое празднично настроенных американцев дружески побеседовали с немцем Георгом Фогелем, в результате чего немец был увезен «Скорой помощью».

...А в своем кругу американские должностные лица разводят руками:

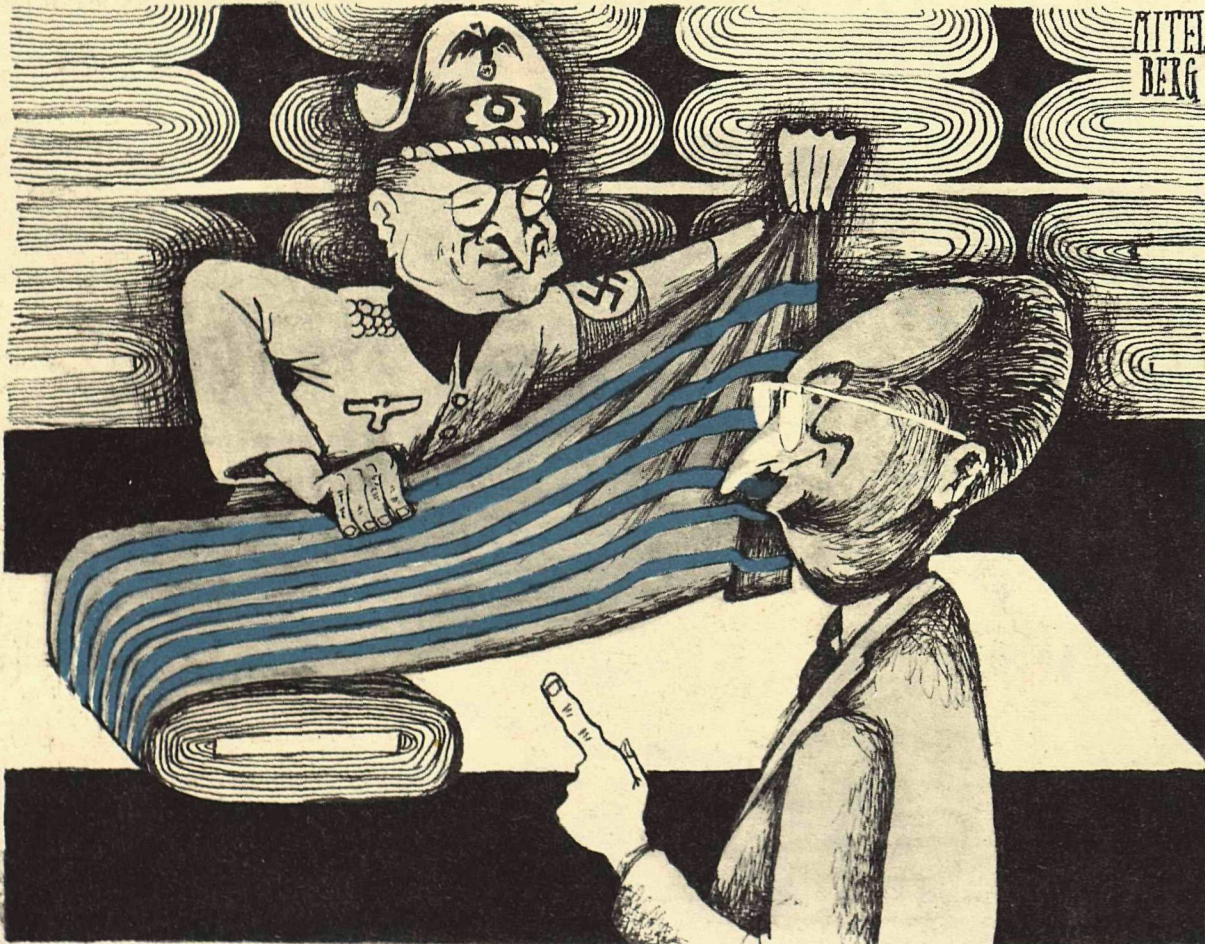
— Ничего не понимаем! Уж мы ли мало делаем для Западной Германии? Реваншистскую армию помогаем восстанавливать. Военную промышленность поддерживаем. Деятельность фашистских партий и организаций поощряем... А рядовые немцы почему-то всё нами недовольны!

Говоря словами боннского корреспондента «Нью-Йорк таймс», отношения жителей Западной Германии с американскими оккупантами действительно «колеблются». Колеблются-то колеблются, только не «от хороших до превосходных», а от очень плохих до безнадежно скверных.

Впрочем, к заплечных дел мастерам и не может быть лучшего отношения, даже если они и выражены в американскую военную форму.

В. АЛЕКСАНДРОВ

В ТОРГОВОЙ ФИРМЕ «ШПЕЙДЕЛЬ И КО»

Недавно правящие круги Франции добились от Национального собрания предоставления им так называемых «специальных полномочий».

На этой карикатуре французского художника Луи Мительберга, выполненной для «Крокодила», мы видим «специальные полномочия» в действии. Реакционный политик оптом закупает у гитлеровца Шпейделя ткани для массового пошива арестантских халатов. Халаты предназначаются всем тем французам и алжирцам, которые выступают за мир в Алжире.

— Я возьму сразу всю партию этого материала!

У каждого из вас, дорогой читатель, есть, наверное, альбомы с фотографиями. Плотешные и в скромном дерматиновом переплете, с медной застежкой и без, они лежат на видном месте. Наряду с портретами близких и дальних родичей в альбомах бережно хранятся фотокарточки с видами живописных мест, где вам довелось побывать во время отпуска. Приятно, что ни говорите, на досуге перелистать альбом и просмотреть знакомые фотографии!

Некоторым нашим читателям, несомненно, хотелось бы пополнить свои альбомы, но текучка заедает, или нет времени выбраться на отдых в фотогеничные места, или родственники неохотно дарят фотографии...

Мы готовы пойти им навстречу и, так сказать, от души сделать вклад в их семейные фотоальбомы.

Вот, к примеру, фотография с разбросанными сельскохозяйственными машинами. Двенадцать вагонов с машинами, принадлежащими Уильской МТС Актюбинской области, несколько лет лежат в таком виде на станции Шубар-Кудук, Оренбургской дороги. Ну как, скажите, пожалуйста, не подарить эту фотокарточку директору МТС тов. Байсалбаю Жалмузаеву!

Вторую фотографию мы охотно дарим в альбом начальнику Актюбстройучастка № 11 Алексею Алексеевичу Гулько. Именно ему обязаны мы созданием фотозюда под названием: «Лес лежит!». И не простой лес, а двадцать вагонов круглого леса, ценнейшего строительного леса, в котором нуждаются новоселы целины. Такому лесу позавидовал бы любой рачительный и соvestливый строитель.

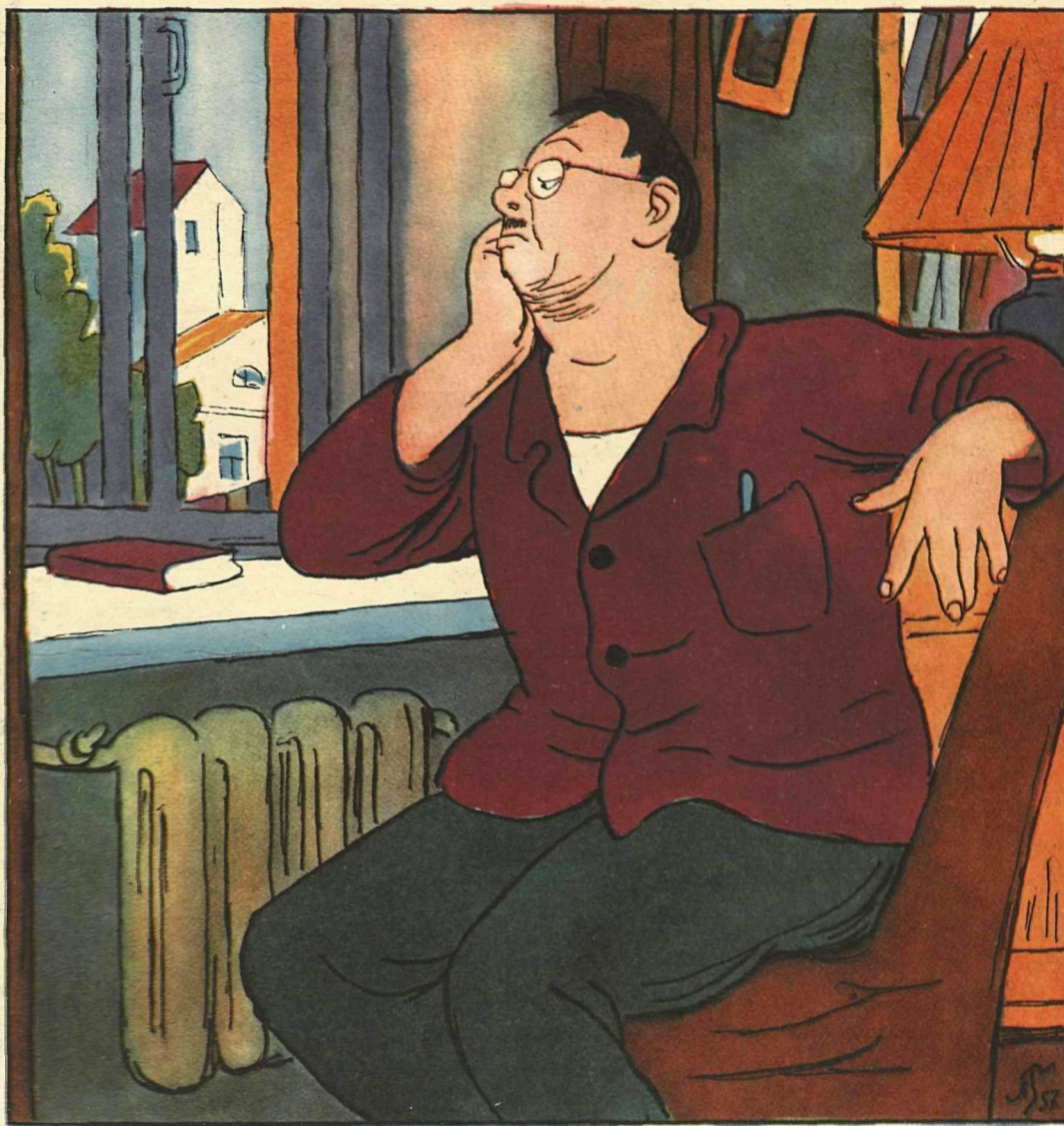

Третью фотографию мы преподносим председателю Уильского райпотребсоюза тов. Каражали Алманиязову. Пятый год лежат на территории тупика станции Шубар-Кудук пятнадцать вагонов пиломатериалов, двенадцать вагонов угля, вагон шифера, вагон цемента и пять вагонов с ящиками для пароконных бричек, присланные в адрес потребительской кооперации.

Железнодорожная администрация из сил выбилась, напоминая владельцам грузов о том, что пора, давно пора вывезти из тупика все это добро. Но... все напоминания застряли в тупике.

Мы ясно представляем себе такую идиллическую картинку... Вечерком, за чашкой чая или другого освежающего напитка, хозяйственники, которым мы делаем подарки, просмотрев альбом, обратят внимание на эти фотографии и вдруг вспомнят о своем долге. Все может быть!.. Бывают же на свете чудеса!..

— Хотелось бы написать роман о жизни нашего города, да жаль, из кабинета виден всего лишь кусочек улицы.

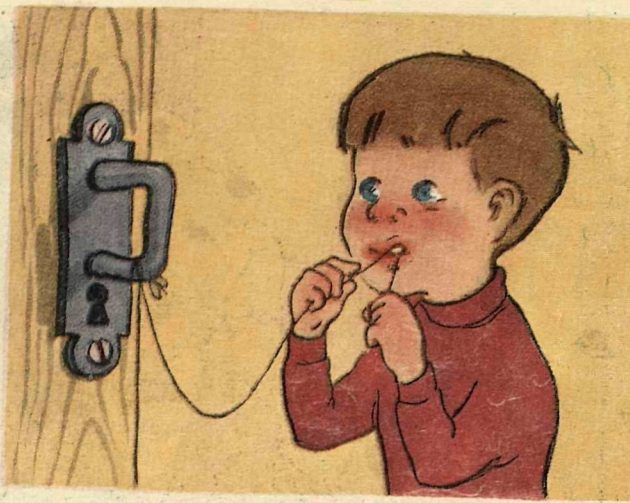
Рисунок Е. ШУКАЕВА.

КОЗЛЫ И КАПУСТА.

КРОКОДАВИЦА
СЫСКАЯ

Хотел Вовочка вырвать больной зуб...

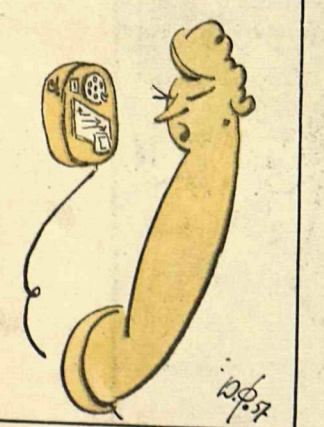
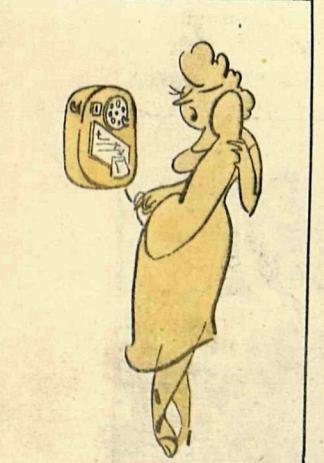
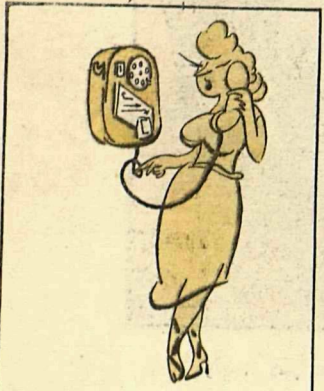
...и вырвал!..

ПОПРАВКА КСТАТИ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ДОГОВОРИЛАСЬ...

В СТОЛОВОЙ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

- Щи-то «свежие» прокисли.
- Да! Тогда поставьте в меню: «Щи кислые».

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Я плюну в каждого, кто скажет, что я некультурный!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Позволь нам без всяких пре- дисловий воспроизвести две харак- терные сценки с натуры. Они на- глядно показывают, как в Альме- невском районе, Курганской об- ласти, «поощряются» физкульту- ра и спорт...

— Товарищ Добрыдин, разре- шите, пожалуйста, купить для районной футбольной команды новый мяч! Старый уже до дыр протерли.

Тов. Добрыдин, заместитель председателя райисполкома, не- довольно морщится и отвечает:

— Предъявите мне старый мяч. Я его осмотрю лично.

...Сцена после зональных сорев- нований по футболу, в которых

местная команда потерпела пора- жение. Тов. Добрыдин тычет ука- зательным перстом в председате- ля районного комитета физкуль- туры:

— Учти, голубчик! Деньги, ко- торые были израсходованы на игру, я отнесу за твой счет. Рас- плачивайся, как знаешь!

Воздадим должное тов. Добры- дину. Он добился большой «эко- номии»: комитету физкультуры отказано в подписке даже на га- зету «Советский спорт». Где уж тут мечтать об устройстве огра- ды вокруг районного стадиона, через который путешествуют взад и вперед автомашины и тракторы?!

Говорят, здоровый дух в здо- ровом теле. Так зачем же спортс- менов держать в черном теле?!

Р. ШАРИПОВ,
председатель районного коми- тета физкультуры,
У. ХАМИТОВ,
инструктор райкома партии,
В. АМЕЛИН,
секретарь райкома ВЛКСМ.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Как, по-твоему, для чего слу- жат огнетушители?

Уверен, что ты ответишь так:

— Какой нелепый вопрос! Да- же дети малые знают, что огне- тушителем тушат огонь.

Оно, конечно, так. А вот на за- воде металлоизделий Киевского совнархоза, видимо, придержива- ются другого мнения. Недавно мы получили оттуда двадцать огне- тушителей. Они были заботливо

снабжены инструкцией, из кото- рой мы с изумлением узнали, что присланная заводом продукция предназначена для... приготовле- ния фарша (крупного и мелкого) из мяса, овощей и рыбы, а так- же для размола кофе и зерно- продуктов.

Но как мы их ни вертели, ни крупного, ни мелкого фарша огне- тушители не выпускали. Разма- лывать зернопродукты они тоже упорно не хотели.

Удивляешься? Вот так, навер- ное, удивлялись и домохозяйки. Какие? А те, что, купив мясоруб- ки, изготовленные тем же заводом, получили к ним пространное объяснение о порядке пользования огне- тушителем.

Директору завода тов. Гордие- ко не мешало бы сочинить еще одну инструкцию — о том, как избежать путаницы при рассылке инструкций.

И. САРАЖАН

гор. Николаев.

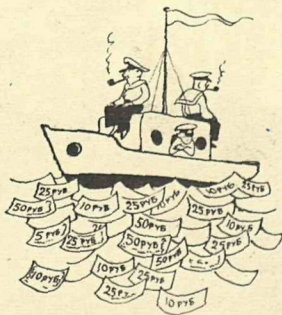
ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Предлагаем твоему вниманию оригинальную арифметическую задачу. Просим решить ее воз- можно быстрее. Вот она:

«По распоряжению своего вы- шестоящего начальства Терно- польский областной комитет ДОСААФ принял в гор. Измаиле один спасательный катер для пе- редачи Херсонскому областному комитету ДОСААФ. С момента принятия прошел год и восемь ме- сяцев.

Спрашивается: если бездействи- юющей команде бездействующего катера уже уплачено за его охра- ну 40 800 рублей, то под чьей охраной находятся в Терно- поле общественные средства ДОСААФ?»

Над решением этой задачи до сих пор безрезультатно бьются острейшие математические умы нашей местной ревизионной ко- миссии. Что же касается работ- ников ЦК ДОСААФ, то они, при- казав нам взять на себя расходы

по охране катера, очевидно, зани- мают в данном вопросе единую твердую позицию: «Наша хата с края, далеко от Дуная».

Н. КРАСНИКОВ

гор. Тернополь.

Половину своей жизни художник Леон Георгиевич Генч отдал нашему журналу. Он породнился с «Крокодилком», когда тот был еще пятилетним «Крокодиленком».

Спрашивается... Впрочем, и спрашивать не надо: художнику Л. Г. Генчу исполнилось шестьдесят лет, чего никак не скажешь, глядя на его рисунки.

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ!

Встреча за облаками

«...На альпийские луга, расположенные на высоте 6 тысяч метров над уровнем моря, вывели свои стада колхозники сельскохозяйственной артели имени Крупской, Лабинского района».

(Из корреспонденции К. Викторова «Встреча в горах». Газета «Красное знамя», 30/VI 57 г. гор. Сочи.)

Наивысшая вершина Кавказа — гора Эль- брус. Высота 5 633 метра.

(Из учебника географии для начальной школы.)

Взбираясь кручами
кремнистыми
Туда, где лед и вечный снег,
Коровы стали альпинистами
И оседлали пик Казбек.
Вооружась походной рацией,
Взяв силосу по полмешка,

Коровы с им присущей грацией
Полезли вдруг за облака.
А может быть, совсем не лазили
Туда колхозные стада,—
Их репортерский взлет фантазии
Занес неведомо куда!
А. НИКОЛАЕВ

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06657. Изд. № 1017. Подписано к печати 19/VIII 1957 г. Формат бум. 70x108¹/₈. Заказ № 2213. Тираж 1 100 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40
0 АВГ 1957

ПО КЛЕВЕТНИКАМ И ЗЛОПЫХАТЕЛЯМ...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

17405
Всесоюзная
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Обязат. экземп.
1957 г.

Бор. Ефимов - 57.

...БЫТ НЕИССЯКАЕМЫЙ ФОНТАН ДРУЖБЫ.